

ISSN 0042-8779

ДВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

1

2015

785 608

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/2015

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

п 22
1427

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. 3

СТАТЬИ

А.В. Майоров — Монголы на Западе: тайная дипломатия императора Фридриха II 16

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Р.А. Бадиков — Генрих Христофорович Эйхе 45

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Ю.А. Пелевин — Казус Засулич 60

СООБЩЕНИЯ

Д.С. Дударев, С.Л. Дударев — Жизнь северокавказских горцев в мемуарах декабристов 79

Д.А. Ляпин — Причины восстания в Москве в 1648 г. 90

В.А. Субботин — Закат Тубинского княжества 99

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

РОС. НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
С.-Петербург
09 20 15 акт 86

ММ

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Е.Г. Муратова** — Князь Владимир Сергеевич Голицын
«Центральный» 110

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А.П. Попп** — Мнения губернаторов о местном волостном
суде в 1860—1880-х гг. 120
- С.В. Любичанковский** — Сенаторская ревизия Туркес-
танского края в 1908—1909 гг. 127
- Л.Д. Гусейнова** — Положение национальных меньшинств
в Болгарии во второй половине XX в. 133
- В.М. Строгеецкий** — Историография в античной школь-
ной системе 140

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- А.Г. Поляков** — Гражданская война и православное об-
щество 146
- А.Г. Мельник** — Почитание Сергия Радонежского в рус-
ских монастырях XVI в. 152

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.В. Чудинов** — Современные тенденции во французс-
кой историографии Революции XVIII в. 157
- В.Г. Буров** — История Китая с древнейших времен до
начала XXI века. Т. VII. Китайская Республика (1912—
1949) 169

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Казус Засулич

Ю.А. Пелевин

Историческое событие происходит при переплетении действий многих людей: личностных поступков, противоборствующих устремлений, корыстных интересов, служебных претензий, государственных установлений, общественных противостояний, публичных акций, случайных обстоятельств, несправедливостей, страданий, отчаяний, подвигов, надежд и многого другого. На перекрестии всего этого и происходит то, что называется историческим явлением, которое впоследствии становится достоянием историков. Например, казус Засулич, которому и посвящена предлагаемая статья.

В революционном народничестве весной 1878 г. произошел крутой поворот к вооруженному противоборству с царской властью. И указателем места этого поворота стало покушение Веры Засулич на петербургского обер-полицмейстера, позднее градоначальника Ф.Ф. Трепова за несправедливое и незаконное распоряжение в Доме предварительного заключения (ДПЗ) наказать розгами политзаключенного А. Боголюбова-Емельянова.

«Боголюбовская история». При инспекторском осмотре 13 июня 1877 г. арестант провинился перед высоким начальником тем, что снял шапку. Как свидетельствовал очевидец событий, политзаключенный А.Н. Бибергаль, «Трепов стал сам сбивать с него шапку. Но Боголюбов был выше его ростом и притом отклонил голову так, что Трепову, несмотря на его подпрыгивание, не удалось сбить шапку. Рассвирепев, он крикнул: «Розги!»»¹. Приказ Трепова о сечении розгами был явным нарушением закона о запрете телесных наказаний в качестве меры уголовного наказания, принятого еще в 1863 году.

Боголюбов — «хожденец в народ», член-учредитель «Земли и воли». Его судили по делу о Казанской демонстрации, в которой он не принимал ни малейшего участия и даже выступал категорически против ее проведения². Боголюбова случайно арестовали у Казанско-

Пелевин Юрий Александрович — кандидат исторических наук, профессор Государственного университета гуманитарных наук.

го собора уже после манифестации, избили до полусмерти в полицейском участке и приговорили к 15 годам каторжных работ.

Избиение политзаключенных — давняя и прочная традиция отечественной пенитенциарной системы. Били в кутузках, тюрьмах, на каторге без всяких на то разрешений и законоустановлений. Так, например, поступили с участниками казанского выступления или позднее с Верой Засулич.

А.Ф. Кони, известный юрист и писатель, рассказывал в мемуарах, как в середине 1870-х гг. в высшем обществе стала распространяться идея наказания розгами «нигилистических пропагандистов». Составлялись всевозможные проекты и записки, где *«рекомендовалось подвергать политических преступников вместо уголовного взыскания телесному наказанию без различия пола»*³.

Д.А. Оболенский, побывавший на «Процессе 50-ти», где судили московских революционеров, с возмущением старого крепостника вопрошал в великосветском салоне: «Ну, вот, на что это похоже? Девчонке какой-то, обвиняемой в пропаганде, председатель говорит: “Признаете ли вы себя виновною? Что вы можете сказать по поводу показания этого свидетеля?” и т. д. А та рисуется и красуется!.. Эх, думал я... разложил бы я тебя, да всыпал бы тебе сто штук горячих, так ты бы иначе заговорила, матушка! Вся дурь прошла бы! Право! Поверьте, вышла бы из нее добрая мать семейства, хороший человек за себя замуж взял бы!»⁴

Но расправа над Боголюбовым была вопиющей несправедливостью и вызвала взрыв возмущения арестантов ДПЗ⁵. «Окна всех камер выходили на двор, и заключенные были свидетелями этой сцены. Когда они увидели, что Боголюбова потащили, поднялся невообразимый шум и стук; по адресу Трепова раздавались возгласы: “негодяй, мерзавец, палач” и пр.»⁶

Политзаключенному дали 25 ударов розгами⁷. «Позорное не для Боголюбова, а для Трепова и исполнителей его зверской фантазии наказание было проведено в исполнение в галерее, в которой находилась камера Боголюбова, и, таким образом, как его соседи, так и многие другие в верх и в низ по галереям, слышали борьбу, возню, может быть, свист розог и стоны и крики истязуемого»⁸, — свидетельствовал тюремный врач Д.М. Герценштейн.

С.С. Голоушев, пропагандист-народник, «хожденец в народ», сидевший в той же тюрьме, отмечал: «Заключенные — люди с такими издерганными нервами, что от малейшего повода впадают в состояние буйства и могут наделать много такого, перед чем сами затем останутся в недоумении»⁹. После расправы над Боголюбовым «поднялся новый взрыв неистовств». Кричали, стучали оловянной посудой в железные подоконники, били рамами в двери, «ломали, у кого хватало силы, все, что только могло быть исковеркано и изломано в камерах»¹⁰. Тогда большой отряд полицейских и военный караул принялись за наведение спокойствия, «избивая стучащих и волоча многих из них в карцер. Кого тащили под руки, а кого волокли за ноги, причем голова билась о чугунный пол галереи и особенно об острые ступени железных лестниц»¹¹. Голоушеву перед тем, как отправить в карцер, набросили на голову мешок, чтобы не было слышно криков, и били пока он не потерял сознание¹². В карцере на заключенных

«снова накидывались с кулаками и били до полусмерти»¹³. Волнения в ДПЗ продолжались целых три дня. «Разумеется, избиения были общим правилом, — отмечает Герценштейн, — а остальное, карцеры и прочее — только дополнение»¹⁴.

«Боголюбов попал в еще худшее положение, — вспоминает Бибергаль. — Карцер, куда его посадили, был сырой и холодный, на полу его стояли лужи и здесь его продержали семь суток. Он совершенно заоченел от холода и сырости, и я думаю, что этот карцер послужил началом его ненормального психического состояния»¹⁵. Земледелец Н.И. Сергеев, хорошо знавший Боголюбова, полагал, что он, окончил жизнь «сумасшествием вследствие нравственного потрясения от эпизода с Треповым»¹⁶.

Об условиях содержания политзаключенных в карцерах сохранился рассказ доктора тюрьмы Герценштейна. Он побывал с обследованием в такой изолированной камере. «Фельдшер с огарком стал освещать черный асфальтовый пол, усеянный человеческими экскрементами, различной давности... Весь пол был усеян этими выделениями. Одни, совершенно высохшие, едва чернели, другие, более недавнего происхождения, кишели большими белыми ползавшими и извивавшимися червями. Стены в различных местах, также были выпачканы. Судна, так называемой парашки, не было ни ведра, ни нар, как вообще, равно ничего, кроме извержений. Они составляли единственную принадлежность, подвижность или убранство — не знаю, как сказать, — этого помещения. И среди них и на них должен был лежать культурный человек, все преступление которого заключалось в том, что он желал лучшей участи своему народу... Он должен был сидеть или лежать, избитый, в указанной обстановке в атмосфере, чувствовать, как копошились над ним и на нем, на его голых руках и шее, смрадные черви! Он был близок к помешательству»¹⁷.

Боголюбов впоследствии увезли в харьковскую Ново-Белгородскую центральную каторжную тюрьму с признаками душевного расстройства. В октябре 1880 г. он был переведен в Мценскую пересыльную тюрьму, а в конце года — в Казанскую психиатрическую больницу, где и умер после 1885 года¹⁸. «Несколько лет спустя, — пишет народница С.А. Викторова-Вальтер, — я видела Боголюбова в Казанской лечебнице для душевнобольных в состоянии безнадежного помешательства. Он неустанно писал и рвал свои прошения к прокурору, где излагал жалобу на кого-то»¹⁹.

По словам тюремного врача, «собственно Трепов был не злой человек, но необузданный самодур-бурбон, гнувший спину на верхних ступенях общественной лестницы и требовавший покорности и раболепия от всех ниже стоявших, а тем паче от простых граждан. Он щеголял искусственной солдатской простотой и грубостью, был доступен и считал себя добрым и справедливым, воображал себя вездесущим российским Гарун аль-Рашидом и имитировал страшную строгость и пронизательность взора, для чего строго вперял глаза из-под больших нависших, седых бровей»²⁰.

Отдав приказ о наказании Боголюбова, Трепов спохватился, что принял неподобающее решение. Всеправный властитель ощутил предельность своего нрава. Малообразованный и юридически несведущий, как он сам о себе говорил, Трепов засомневался в своей началь-

ственной правоте, потому отложил экзекуцию на два часа. Сначала он поспешил к опытному юристу, тогда вице-директору департамента Министерства юстиции Кони. Но, не застав его, отправился к министру юстиции графу К.И. Палену, который одобрил треповское распоряжение «с восторгом, как проявление энергической власти». И телесное наказание состоялась. На другой день озадаченный градоначальник все-таки встретился с Кони, который доходчиво объяснил незаконность и несправедливость его распоряжения. Трепов в раскаянии восклицал, крестясь на образ, что если бы Пален сказал ему хоть часть того, что он сейчас услышал, то он отменил бы наказание Боголюбова и иначе с него взыскал ²¹.

Старик действительно был отходчив и незлобив. Он успокаивал себя тем, что Боголюбов здоров и спокоен, его перевели от греха подальше в Литовский замок, а всплывший главноначальник уже послал ему чаю и сахару ²². Генерал-губернатору инцидент казался вполне исчерпанным.

Правда, государь император прослышал о событиях 13-го июля и поручил председателю комиссии по тюремному преобразованию К.К. Гроту, осмотреть ДПЗ. Но это было не страшно для градоначальника. Грот в сопровождении своего тогдашнего секретаря В.Н. Коковцова прибыл в тюрьму, где осмотрел и карцер. «К тому времени заботливой рукой начальства все ужасные живые следы были уже сметены и перед взором гостей оказались заново отремонтированные помещения, блестящие чистотою и всеми требуемыми тюремной инструкцией приспособлениями, до градусника на стене включительно» ²³. Никаких нареканий у комиссии не возникло.

По почину самого Трепова было назначено судебное разбирательство по поводу избиения арестованных, а также проведено особое административное следствие, которое «ничем не проявилось и не кончилось, и что с ним случилось — неизвестно, — пишет тюремный врач. — Не знаю, допрашивал ли даже следователь кого-нибудь: не слышал, а меня, по крайней мере, даже не вызывали» ²⁴. Все эти расследования не привели ни к каким явным результатам, и вся история оказалась замятой.

Градоначальник Трепов. Происхождение Федора Федоровича Трепова неопределенно и вызывало разные догадки и слухи. Также как возникновение его громадного состояния. Но государь к нему благоволил и своими милостями не обходил.

Военную службу Трепов начал в 1831 г. с участия в подавлении польского восстания. В 1844 г. — он капитан конного жандармского полка в Киеве. В 1860—1861 гг. — варшавский обер-полицеймейстер. Особо отличился при подавлении второго польского восстания (1863—1864), во время которого был дважды ранен в голову. В 1863—1866 гг. царь назначил его генерал-полицеймейстером всего Царства Польского. Возглавив всю полицию в крае, Трепов сумел полностью разгромить революционное подполье.

После выстрела Д.В. Каракозова в 1866 г. Александр II, учитывая опыт своего верного слуги в делах наведения порядка, назначил его обер-полицеймейстером С.-Петербурга. В 1873 г. была введена должность градоначальника, на которую государь и назначил Трепова ²⁵. По своим обязанностям он оставался руководителем городской поли-

ции и вместе с тем располагал огромными возможностями решать хозяйственные вопросы в обход городского головы. В треповское правление было введено множество новшеств по благоустройству города. Одно из них — получение в свое ведение дома на Гороховой улице, где расположилось знаменитое Охранное отделение. Здание он распорядился надстроить пятым этажом для своей квартиры.

В стараниях облагодетельствовать вверенную столицу Федор Федорович не забывал блюсти и своекорыстные интересы. Он искусно вымогал взятки с крупных и средних предпринимателей, а в «благодарность» за подношения навязывал Городской думе «проекты, имевшие вид громадных монополий».

Горожане не любили Трепова за издоимство, самоуправство и произвол. Известный публицист Г.К. Грановский писал о его методах градоуправления: «Наружные улучшения в полиции были сделаны; в городе стало чище и удобнее, “треповская весна” и треповские приказы вошли в поговорки и стали предметом моды и подражания для губернаторов и полицеймейстеров всей Руси великой. Но тысячи людей выслались административным порядком; домовладельцы, фабрики и заводы, торговцы и извозчики, дворники и ремесленники кряхтели и жаловались. Взятки усилились; вместо чернослива и головы сахара, которыми довольствовался Сквозник-Дмухановский обывателям приходилось оплачиваться всякого рода товарами; праздничными и чрезвычайными денежными подачками, даже акциями и паями. На все требовалось предварительное разрешение. Вывески нельзя было поставить или объявление напечатать без “хождения” в участке и градоначальстве; всякая новая машина требовала осмотра и подмазки; уроки можно было давать лишь с “надлежащего” разрешения. Городовые, пристава, городские врачи — все это было поставлено на лучшую ногу, опиралось на технику и науку в понимании Собакевича; мундиры были новенькие, но над “вверенным населением” гнет тяготел с большой силой, и надо было беспрерывно оплачиваться, чтобы жить, дышать, работать, торговать. Только особые знакомства, связи и покровительства спасали от этого гнета и произвола, но праздничные деньги и “на чай” платили все. Из системы предварительных разрешений полицейской опеки возникали концессии и монополии. Рекомендовались образцы вывесок, квартирные книжки, флаги, домовые книги. Аптеки, заводы, трактиры могли существовать или уничтожаться по усмотрению полиции. От расположения духа градоначальства зависело устройство тех или других благотворительных предприятий и публичных чтений; рестораны торговали в часы, назначенные “недреманным оком” полиции. Обратившись по-приятельски к градоначальству, влиятельные лица могли избавиться от неприятной обязанности платить по векселям»²⁶.

У Трепова были и другие источники благоденствия. Жандармский генерал В.Д. Новицкий свидетельствовал, что в высокопоставленных кругах, где к Трепову относились весьма недоброжелательно, открыто говорили о его состоянии, доходившем до трех миллионов рублей. Сложилось такое богатство «от сумм, отпускавшихся в его распоряжение безотчетно по должностям обер-полицеймейстера Царства Польского, градоначальника г. С.-Петербурга, от полученных им гонорара, куртажа за исходатайствование дополнительной сметы

на постройку Литейного моста в С.-Петербурге и от получения значительных сумм от императрицы Марии Александровны со специальной целью охраны личности императора Александра II»²⁷. Даже на охране государя императора, что входило в его прямые обязанности, Трепов умудрялся наживать.

И в обществе видели его непомерное стяжательство и произвол. Но публичные обличения были невозможны при отсутствии гласности. Задавленная печать не могла и слова сказать в осуждение всемогущего властедержателя. Петербургский градоначальник, как и другие царские наместники, самочинно правил российскими послушливыми подданными. Безгласность и несправедливость неизбежно вели к бесконтрольности и беззаконию. Это была та почва, на которой всегда и везде процветают должностные преступления и злоупотребления властью.

Не было в империи и таких следственно-судебных органов, которые взялись бы за «дело Трепова». Его впасть была громадна, и с ней вынуждены были считаться и прокурорские чины. В воспоминаниях Герценштейна есть рассказ, показывающий формы правления петербургского градоначальника: «Однажды один товарищ прокурора, посещая места заключения, наткнулся на крестьянина, посаженного по приказанию градоначальника, но без всякого письменного распоряжения. Товарищ прокурора написал градоначальнику запрос в самых почтительных выражениях. Трепов страшно обиделся, потребовал изгнания прокурора и высылки его из Петербурга. И много труда и поклонов стоило бедному блюстителю закона, чтобы выпросить прощение у страшно оскорбленного и сердитого петербургского Гарун ал-Рашида. А начальство этого прокурора, эти служители Фемиды, были не только слепы, как она сама, но еще и глухи. Для правосудия это, очевидно, еще лучше»²⁸. Самоуправство прибегало к законам только тогда, когда было выгодно начальству для пушного угнетения «вверенного населения».

В высших сферах сложилась оппозиция к Трепову, куда входили военный министр Д.А. Милютин, министр внутренних дел А.Е. Тимашев, помощник самого петербургского генерал-губернатора А.А. Козлов и директор Департамента исполнительной полиции П.П. Косооговский. С явным неодобрением отзывался о Трепове К.П. Победоносцев. Но это была скрытое противоборство придворных сановников, осуждавших неблагоприятные деяния монаршего любимца, но и боровшихся за благорасположение государя.

Единственный, кто мог остановить Трепова — российский самодержец. Но Трепов пользовался полным доверием государя. «Настоящими правителями России были тогда шеф жандармов П.А. Шувалов и петербургский обер-полицмейстер Трепов, — писал князь П.А. Кропоткин. — Александр II выполнял их волю, был их орудием. Правил же они страхом. Трепов до того напугал Александра II призраками революции, которая вот-вот разразится в Петербурге, что, если всемогущий обер-полицмейстер опаздывал во дворец на несколько минут с ежедневным докладом, император справлялся: “Все ли спокойно в Петербурге?”»²⁹

Отношение общества к «боголюбивской истории». Покушение неизбежно. Бойня в предварительной тюрьме весьма скудно отразилась

на страницах печати, в газетах появились весьма туманные заметки, из которых мало что можно было понять³⁰. «Новое время» поместило довольно пространную публикацию, зачитанную на процессе Засулич, как доказательство инцидента. Правда, в ней неудобоназываемое имя Трепова не упоминалось, а говорилось о некоем «сановнике», побывавшем в ДПЗ с инспекцией. Весть о расправе тюремщиков распространялась по городу шепотом из уст в уста и с оглядкой. Радикалы «обращались даже к корреспонденту газеты «Times», чтобы он разоблачил факт, но и он этого не сделал, так как, должно быть, счел рассказ невероятным»³¹.

Однако избиение политзаключенных взволновало столичное общество³². «Сатрапа-мракобеса ненавидели в Петербурге, его незаконное издевательство над Боголюбовым возмущало не только революционеров, но и все либеральное общество, и в том числе и многих из бюрократических верхов, боровшихся с Треповым из-за влияния на царя»³³.

В интеллигентских либеральных кругах к треповскому произволу в ДПЗ отнеслись со скрытым осуждением и негодованием. В радикальной среде поднялась буря: «боголюбовская история» требовала отмщения. Возмездие должно было последовать неизбежно. «Родилось то особое настроение, разлитое одинаково в обществе и в революционных кругах, которое насыщает воздух общим ожиданием: даром это не пройдет»³⁴.

Высокопоставленный исполнитель должен был понести заслуженное кару, но ждать его от царской Фемиды не приходилось, значит, и наказание ему должно взять на себя российское общество. Р.М. Плеханова-Боград вспоминала в этой связи: «Прошло с тех пор много лет, но я живо представляю смешанное чувство обиды, стыда, гнева и сознания, что этот факт неотомщенным остаться не должен. Я смутно чувствовала, что жизнь потеряет всякую ценность. Долго я не могла успокоиться. Думаю, то же самое испытывали многие из моих сверстниц и сверстников. Не только мы, молодежь, были под гнетом этого чувства, — все русское общество сознавало, что, если оно оставит это неслыханное глумление над личностью неотомщенным, печать презрения ляжет на нем на долгие годы»³⁵.

Александр Михайлов, фактический руководитель «Земли и воли», писал в следственных показаниях: «В то время, когда разнеслась весть об истязании Боголюбова, не в одном зародилось желание мстить за оскорбленное, поруганное человеческое достоинство. Потому выстрел Засулич был вполне естественным следствием настроения партии. Не она, другой, не другой, третий, а бессмысленная жестокость правительственного агента не прошла бы ему даром»³⁶.

Осип Аптекман описывает, какое впечатление произвело треповское самоуправство в ДПЗ на тех землепользователей, которые вели в то время пропаганду среди крестьян в Саратовской губернии. «Помню я одно такое собрание приблизительно в первых числах августа... Партии был нанесен страшный удар, тяжкое оскорбление. Стон раздался в партии, словно из сердца ее вырвали кусок живого мяса. Крик: “мечь! мечь! смерть опричнику!” разнесся в партии. Это был единодушный крик гнева и негодования, вырвавшийся одновременно из сотен истерзанных грудей!..

Наша колония была тоже глубоко потрясена. М.А. Брежневская сидела совершенно убитая, низко опустивши голову. “Мазныця”, Мощенко, был мрачен, как могила, его черные, как уголь, глаза сделались еще темнее. Всегда молчаливый и сосредоточенный, он на этот раз словно совсем онемел. Плеханов был бледнее обыкновенного, в глазах его то и дело загорались огоньки, зловещие, боевые; он тоже молчал. “Дворник” (Александр Михайлов. — Ю.П.) казался спокойнее всех, только манера, с которой он закручивал свои усы и дергал свою шелковистую бороду, выдавала его волнение, да и заикаться он стал несколько сильнее обыкновенного.

— Неужели мы будем молчать? — вырвался у меня крик отчаяния посреди этого тяжелого напряженного молчания.

— Ответ будет, Осип! Непременно будет: это уж решено! — сильно заикаясь, заговорил “Дворник”. Он решительно приподнялся с места и, бросив всем лаконическое “до свидания!”, быстро вышел из комнаты. Его, по-видимому, тяготило настроение окружающих. На другой день “Дворник” передал мне и другим членам “основного кружка”, что петербургский “центр” поручил дезорганизаторской группе выработать план убийства Трепова³⁷.

Акция была возложена на члена-учредителя «Земли и воли» Валериана Осинского³⁸, уехавшего к этому времени в Киев и там основавшего так называемый южный Исполнительный комитет. В революционном мире В. Осинский «одним из первых высказался за расправу с градоначальником Треповым»³⁹. Теракт готовили южные «бунтари» Фроленко, Попко и Волошенко⁴⁰, приехавшие для этого в Петербург. Была нанята квартира на Гороховой улице, против Адмиралтейской части, чтобы следить с помощью зеркал за домом градоначальника⁴¹. В покушении намечалось привлечь «революционного рысака» Варвара⁴², которого до этого использовали при освобождении из заключения П.А. Кропоткина и А.К. Преснякова⁴³.

Предатель и провокатор Курицын со слов учредителя «Земли и воли» Дмитрия Лизогуба доносил жандармам, что «приготовлены были ими для этого (покушения на Трепова. — Ю.П.) две отличные верховые лошади, что убить они замыслили его прямо на улице во время какого-то обычного выезда, который совершал почти ежедневно петербургский градоначальник, и причем, что это дело ими было бы обделано отлично, без всяких жертв»⁴⁴ среди террористов.

О возмездии царскому преторианцу задумывались и другие экстремистки настроенные радикалы. Н. Бух писал в воспоминаниях: «О личном индивидуальном выступлении с самопожертвованием своей личности я не думал. Только раз, после выстрела Веры Засулич, я упрекнул себя и — русский человек задним умом крепок — создал план. Нужно было бы, говорил я себе, купить пистолет, зарядить его мелкой дробью и, придя на прием к Трепову, поднять фалдочки генеральского мундира и выстрелить. Я злорадно воображал себе этого сановника, лежащим на операционном столе, и доктора, вынимавшего дробинки из мягких частей его тела. Он выпорол Боголюбова, я выпорол бы его. И за что бы меня судили? За оскорбление действием генерала при исполнении им служебных обязанностей? Вряд ли согласился бы на это генерал Трестов и его присные. Вернее всего, что сослали бы меня административным порядком куда-либо в Верхо-

янк. Я берег этот план, поджидая подходящего случая. Но таковой не подвертывался, генералы были осторожны»⁴⁵.

Желание отомстить наиболее злостным чиновникам возникала у многих революционистов. На «Процессе 50-ти», проходившем в феврале-марте 1877 г., прославился товарищ обер-прокурора К.Н. Жуков, который в обвинительном акте фальсифицировал следственные материалы. Вера Фигнер в неопубликованных мемуарах признавалась: «У меня, как и многих, очень многих, была та же мысль, то же стремление, которые воплотила в дело Засулич... И как многие, очень многие, я не пошла далее внутренних мечтаний об этом... За то я имела глупость во все время процесса держать в муфте маленький револьвер, полагая, что необходимо убить прокурора Жукова... К моему счастью прокурор ни разу не входил в зал, где толпилась публика, входившая на хоры и сходявшая с них. Встретясь он, я, вероятно, стреляла бы, хотя совершенно не умела стрелять и никогда не училась этому»⁴⁶.

Покушение на Трепова готовили не только южные «бунтари». В другой части города независимо от них Вера Засулич, Мария Коленкина и Сергей Чубаров задумали то же самое.

Засулич с единомышленниками обитала в «женской коммуне» — в сырой неуютной комнате на Английском проспекте. Здесь возмущались противоправными действиями приспешников царской власти. Особенное негодование вызывал Трепов и товарищ обер-прокурора Сената В.А. Желеховский, обвинитель на большом «Процессе 193-х». По воспоминаниям Евтихия Карпова, «очень часто в “женской коммуне” поднимались жаркие разговоры о темной реакции, господствовавшей в то время в России, о необходимости энергичной, активной борьбы с ней, о безнаказанности царских приспешников, гнетущих все что есть живого, придушивших печать, изуродовавших судебные установления, земство, школу, свирепо расправлявшихся с крестьянами и рабочими. Маша Коленкина, с глазами, блестящими ненавистью, энергично говорила о необходимости теперь же, как можно скорей, начать террористическую деятельность, чтобы показать разнузданным властителям, что и на них есть управа. Капитан (Чубаров. — Ю.П.) горячо поддерживал Каленкину»⁴⁷. Засулич молча слушала, редко вступая в разговор, но разделяла общее мнение.

Между тем «время шло, а свирепый градоначальник по-прежнему деспотически властвовал над петербургским обывателем, наводя на него трепет одним своим видом»⁴⁸. Наконец участники «женской коммуны» пришли к конкретному плану действий. В сравнении с южными «бунтарями» «у них подготовка кончилась скорее, — пишет Фроленко. — Засулич училась стрельбе еще на Юге, когда была в кружке киевских «бунтарей». Ей пришлось только проверить себя и решиться на жертву. Узнав от меня, что наше дело еще находится в периоде выслеживания и определения способа, что время действия не установлено, Вера не стала выжидать, а сочла за лучшее выступить самой»⁴⁹.

Вера Засулич. По происхождению Вера Ивановна Засулич была польской дворянкой. Она родилась в семье польского обедневшего дворянина, который умер на третий год после рождения дочери⁵⁰. Кроме Веры было еще четыре ребенка. Брат Михаил выбился в чины.

Ко времени покушения на Трепова он был уже полковником Лейб-гвардии Финляндского полка. А в отставку вышел в 1906 г. с производством в генералы от инфантерии.

Воспитывалась Вера не в своей семье, ее взяли на воспитание более обеспеченные родственники, среди которых она ощущала себя одинокой и ненужной. «Никто никогда не ласкал меня, — вспоминала она, — не целовал, не сажал на колени, не называл ласковым именем»⁵¹. Гувернантка наказывала девочку розгами⁵², о чем та помнила всю жизнь.

С революционерами Засулич познакомилась еще в юные годы. «Я всегда считала за счастье быть с революционерами, — утверждала она, — всегда готова была на все революционно-опасное и чем опаснее, тем лучше. Поэзия революции: быть в “стане погибающих”, самопожертвование, личное равнодушие к материальным благам..., вот все это увлекало в революцию, но никак не убеждение, что из нашей деятельности может выйти “будущий строй” и вообще счастье»⁵³.

В конце 1860-х гг. Засулич сблизилась с кружком Н.А. Ишутина, из которого вышел Д.В. Каракозов, стрелявший в Александра II. Позднее она была замешена в «нечаевское дело», за что провела почти два года в Петропавловской крепости и Литовском замке (до марта 1871 года)⁵⁴. Она была административно сослана в Новгородскую губернию, затем в Тверь. В захолустных городах Засулич провела еще два года. За распространение запрещенной литературы ее вновь арестовали и выслали в Солигалич Костромской губернии.

Только в конце 1873 г. ей было разрешено поселиться в Харькове для поступления на фельдшерские курсы под надзором полиции. В том же году Засулич переехала в Киев и вступила в кружок «бунтарей», став правоверной бакунисткой⁵⁵. Она близко сошлась с Коленкиной, Я.В. Стефановичем и Л.Г. Дейчем⁵⁶, который впоследствии, в эмиграции, стал на некоторое время ее гражданским мужем.

В 1875 г. Засулич перешла на нелегальное положение и «ходила в народ», но совершенно безрезультатно. В деревне Цебулевке она вместе с М.Ф. Фроленко пыталась открыть чайную для ведения пропаганды среди крестьян⁵⁷.

Осенью 1877 г. после роспуска кружка южных «бунтарей» Засулич и Коленкина нелегально приехали в Петербург. «Ехали они, — свидетельствует Лев Дейч, — с заранее ими принятым решением отомстить следователям по большому процессу 193-х — жандармскому генералу Слезкину и прокурору Желеховскому — томившими в течение трех лет в предварительном заключении сотни молодых людей, из которых, как известно, значительное количество поумирало, покончило самоубийством и лишилось рассудка»⁵⁸. Тут их и застала «боголюбовская история».

Лев Тихомиров, хорошо знавший Засулич, писал о ней: «Она была по внешности чистокровная нигилистка, грязная, нечесаная, ходила вечно оборванкой, в истерзанных башмаках, а то и вовсе босиком. Но душа у нее была золотая, чистая и светлая, на редкость искренняя. Засулич обладала и хорошим умом, не то чтобы очень выдающимся, но здоровым, самостоятельным. Она много читала, и общение с ней было очень привлекательно»⁵⁹. Но благопристойный манер она так и не усвоила. П.И. Аксельрод дал ей такую характери-

стику: «Энергичная мужская походка, порывистые движения, полное и абсолютное равнодушие к своей внешности являлись очевидной противоположностью ее среде и служили лишним доказательством свободы и независимости»⁶⁰.

Ее отличали непритязательность, скромность и замкнутость. По словам Фроленко, «Вера Ивановна, несмотря на довольно значительную начитанность и на то, что она имела свои вполне самостоятельные обо всем мнения и убеждения, редко, однако, выступала на собраниях и никогда не старалась выдвигаться вперед, напоказ другим. Когда поднимался какой-нибудь вопрос, она, высказав свое мнение, обычно, не вступая в полемику, умолкала. Это был человек, живший больше своей внутренней жизнью и не особенно охотно пускавший чужого заглядывать в ее «святая святых»»⁶¹.

И «еще одной чертой Вера Ивановна отличалась от других людей, — отмечал Дейч, — в каком бы безысходном материальном положении ни находилась она, — а ей случалось, и нередко, сидеть буквально без пищи, — она никогда никому, даже самым близким людям, не сообщала об этом, постоянно отклоняла их предложения и всегда довольствовалась очень малым»⁶².

Выстрел грянул. Покушение на Трепова было классическим примером индивидуального терроризма. Вера Засулич и ее единственная любимая подруга Маша Коленкина решили отомстить Трепову во что бы то ни стало. Они бросили жребий, кому стрелять в градоначальника. Судьба указала на Засулич⁶³. Тогда Коленкина взяла на себя покушение на прокурора Желеховского.

Договорились действовать 24 января 1878 года. Дату выбрали неслучайно. Покушения откладывались до окончания днем раньше «Процесса 193-х». Террористки справедливо полагали, что их акции скажутся на тяжести приговора подсудимым⁶⁴.

В назначенное утро Коленкина с револьвером в кармане юбки отправилась на прием к прокурору Желеховскому, но то ли его не было на месте, то ли он почему-то не принял ее, но теракт не состоялся⁶⁵. Николай Бух со слов Коленкиной рассказывал, как она позвонила в квартиру прокурора, дверь открыл лакей и пошел с докладом. В квартире поднялся переполох. Лакей возвратился и обвинил, что хозяина нет дома. В передней появилась прокурорская жена и дети, с большой тревогой смотревшие на эту подозрительную просительницу. «Эти взгляды, возможно, спасли жизнь их мужу и отцу. Коленкина повернулась и ушла»⁶⁶.

Засулич направилась на Гороховую улицу в дом № 2, куда недавно переехало Охранное отделение. Она явилась на прием к петербургскому градоначальнику для подачи на имя Козловой прошения о выдаче свидетельства для поступления в домашние учительницы.

Стреляла просительница из шестиствольного крупнокалиберного револьвера, называемого «бульдог». Приобрести его было несложно, в оружейных магазинах такие продавали свободно. И на прием к главному управителю столицы можно было попасть даже без предварительной записи.

Револьвер первый раз дал осечку, со второй попытки сановник был ранен «с левой стороны в полость таза»⁶⁷. Как сообщалось в агентурном донесении, он «с криком почти опрокинулся на пол»⁶⁸.

Оружие покушавшаяся тотчас бросила, чтобы оно еще раз случайно не выстрелило. И отошла в сторону. Террористка «не обнаружила никакого желания скрыться. Вообще она отличалась изумительным хладнокровием»⁶⁹ — отмечалось в репортаже одной из столичных газет.

Женщину стали жестоко бить свитские офицеры его превосходительства, которые на судебном следствии всячески уклонялись от вопросов об этом инциденте. «Но что было совершенно неожиданно, — вспоминала Засулич на склоне лет, — так это то, что я не чувствовала ни малейшей боли; чувствовала удары, а боли не было. Я почувствовала боль только ночью, когда меня заперли, наконец, в камере»⁷⁰.

Следствие началось немедленно в приемной градоначальника. Засулич связали и усадили за длинный стол перед полицейскими дознавателями. Кони, вскоре приехавший на Гороховскую, оставил воспоминания о событиях того дня. Допрос вел знаменитый начальник сыскальной полиции И.Д. Путилин. Напротив него «сидела девушка среднего роста, с продолговатым бледным, нездоровым лицом и гладко зачесанными волосами. Она нервно пожимала плечами, на которых неловко сидел длинный серый бурнус, с фестонами внизу по борту, и, смотря прямо перед собою, даже когда к ней обращались с вопросами, поднимала свои светло-серые глаза вверх, точно во что-то всматриваясь на потолке. Этот взор, возведенный “горе” из-под нахмуренных бровей, сжатые тонкие губы над острым, выдающимся подбородком и вся повадка девушки носили на себе отпечаток решимости и, быть может, некоторой восторженной *рисовки*». Назвавшись Козловой, «она заявила, что решила отомстить за незнакомого ей Боголюбова, о поругании которого узнала из газет и рассказов знакомых, и отказывалась от дальнейших объяснений»⁷¹. В докладе того же дня на высочайшее имя говорилось: «Лично генерал-адъютанта Трепова она не знала, и ей было бы безразлично убить его или ранить»⁷².

Врачи в спешке попытались извлечь из бедра Трепова пулю, но неудачно, потом операцию повторили, пулю так и не достали. Военный министр Милютин, который немедленно приехал навестить пострадавшего, «нашел его лежащим на кушетке среди нескольких хирургов, ощупывавших рану и пропускавших дренаж; все двери были настежь; множество народа в комнатах: ходили, разговаривали, не похоже было вовсе, что мы у постели больного, только что раненого»⁷³.

В приемной теснились сановники, чиновники, военные и полицейские. Все они с любопытством смотрели на «покусительницу». Среди них были министр Пален и прокурор С.-Петербургской судебной палаты А.А. Лопухин. Здесь же на месте они решили, что дело уголовное. «Разве оно уже настолько выяснилось?» — спросил Кони. Лопухин без обиняков заявил: «О, да! Вполне. Это дело личной мести, и присяжные ее обвинят, как пить дадут»⁷⁴.

Покидая генерал-губернаторские апартаменты, Кони заметил необычайную суматоху и волнение. «В передней по лестнице, — пишет мемуарист, — шел государь навестить Трепова, останавливаясь почти на каждой ступеньке и тяжело дыша, с выражением затаенного страдания на добром лице, которому он старался придать грозный вид, несколько выпучивая глаза, лишённые всякого выражения»⁷⁵.

Как передавали разговор царя с раненым клеветником, Трепов просил «не оставить его сирот». Но когда обнаружилось, что тот завещал «сиротам» по несколько миллионов, то Александр II охладил к градоначальнику ⁷⁶. Говорили, государю не понравились слова Трепова: «Эта пуля, быть может, назначалась вам, ваше величество, и я счастлив, что принял ее за вас» ⁷⁷. Бестактное сопоставление оказалось ошибочным: ни одна пуля покушавшихся на государя императора ни разу даже не задела «священную особу». Самодержец погибнет от бомбы.

При визите к пострадавшему полицианту Александр II взглянул и на виновницу прискорбного события, она «должно быть, произвела на него впечатление своим необычайно симпатичным лицом и скромностью» ⁷⁸, — писал Петр Кропоткин по слухам, доходящим за границу. Вряд ли такое высочайшее впечатление достоверно. А вот П.А. Валуев, министр имущества, видевший в тот же день «арестованную убийцу», записал в дневнике: «Отгаликивающее выражение лица и внешние приметы, так называемых, “нигилисток”. Signum temporis (знание времени (лат.). — Ю.П.)» ⁷⁹

Отзвуки выстрела. Первым слухам и толкам о покушении на самоуправного генерал-начальника не придали никакого внимания. Петербургская публика долго не верила в политическое значение покушения, «все больше предполагали какой-нибудь роман» ⁸⁰. По городу ходили толки, будто стрелявшая — «романтическая преступница», которая стреляла из-за любви к Боголюбову, что она необыкновенно красива, и передавались фантастические подробности, делавшие выстрел особенно эффектным ⁸¹.

Первыми обо всем узнали извозчики, которые с одобрением поясняли: «Барыня какая-то ранила Трепова... Так ему и надо... Притесняет очень» ⁸². Столичные возницы терпеть не могли градоначальника. «Вообще говоря, — свидетельствует Герценштейн, — в городе рады были этому наказанию самодура, грубо и безнаказанно давившего всех» ⁸³. Подобное отношение Кони объяснял так: «Большинство, не любившее Трепова и обвинявшее его в подкупности, в насилиях над городским самоуправлением посредством высочайших повелений, возлагавших на город неожиданные тяготы, радовалось постигнутому его несчастью. “Подделом досталось!” — говорили одни.., “старому вору”, — прибавляли другие. Даже между чинами полиции, якобы преданными Трепову, было затаенное злорадование против “Федьки”, как они звали его между собою. Вообще, сочувствия к потерпевшему не было, и даже его седины не вызывали особого сожаления к страданиям. Главный недостаток его энергической деятельности в качестве градоначальника — отсутствие нравственной подкладки в действиях — выступал пред общими взорами с яркостью, затемнявшею несомненные достоинства этой деятельности, и имя Трепова не вызывало в эти дни ничего, кроме жестокого безучастия и совершенно бессердечного любопытства» ⁸⁴. Слова Кони подтверждаются воспоминаниями Н.С. Русанова: «Выстрел в Трепова нашел сочувствие в широких и самых неожиданных кругах. Временщика столь же повсюду ненавидели, сколько и боялись. Факт знаменательный: даже приставы, околоточные, городовые, дворники, которым всем насолил петербургский Гарун-аль-Рашид, про-

меж себя не стеснять говорили, что и на таких самодуров находится узда»⁸⁵.

Совершить покушение на самовластного начальника, по мнению петербуржцев, могли многие желающие. Засулич впоследствии рассказывала характерный эпизод, произошедший в приемной Трепова при первом дознании. Туда незамедлительно явилась дородная начальница высших женских медицинских курсов генеральша Ермолова⁸⁶. Расталкивая господ офицеров и сановников, она пробилась к преступнице, взглянула на нее и с радостью воскликнула: «Слава Богу, не наша!»⁸⁷

Когда «в столице разнеслась весть, что социалистка Вера Засулич стреляла во всемогущего петербургского сатрапа, градоначальника Трепова, и тяжело ранила его, — писал в мемуарах Русанов. — Ликование было всеобщее. Надо было жить в эти минуты в Петербурге, чтобы видеть, как был популярен этот выстрел. О революционной молодежи много говорить само собою не приходится»⁸⁸.

По свидетельству Кони, в высших сферах, где «всегда несколько гнушались Треповым», находили, что Засулич — «несомненная любовница Боголюбова и все-таки “мерзавка”, но относились к ней с некоторым любопытством». На балу у графа Палена его супруга показывала гостям фотографические карточки преступницы, которые «ходили по рукам и производили известный эффект»⁸⁹.

В интеллигентской среде поднялся небывалый ажиотаж, общее мнение было на стороне девушки, отстаивавшей личностное достоинство человека, с которым она даже не была знакома. «Либеральные господа и особенно либеральные дамы из общества были в полном восторге от выстрела. В этих кругах любили даже по этому поводу пококетничать знанием Великой французской революции и провести некоторые параллели между Шарлоттой Корде и нашей Верой Засулич»⁹⁰. Хотя разница между этими женщинами была прямо противоположная. Монархистка Ш. Корде убила революционера Ж.П. Марата, а Засулич покушалась на представителя монархии.

В среднем сословии «были многие, которые усматривали в ее выстреле протест за поруганное человеческое достоинство — грозный призрак пробуждения общественного гнева; была группа серьезных людей, которых пугала доктрина кровавого самосуда, просвечивавшаяся в действиях Засулич. Они в тревожном раздумье качали головами и, не отказывая в симпатии характеру Засулич, осуждали ее поступок как опасный прецедент»⁹¹.

Мнения по поводу покушения Засулич в обществе разделились. «Одни рукоплескали, другие сочувствовали, но никто не видел в Засулич «мерзавку», и, рассуждая разно о ее преступлении, никто не швырял грязью в преступницу и не обдавал ее злобной пеной всевозможных измышлений»⁹². Следовательно после окончания дознания, по воспоминаниям самой Засулич, протянул ей руку со словами: «От души желаю вам быть оправданной»⁹³.

Благонамеренные газеты верноподданнически-патриотического направления («Санкт-Петербургские ведомости», «Гражданин», «Петербургский листок», «Петербургская газета», «Русский инвалид») выражали свои глубокие сожаления и негодования по поводу несчастия «с дорогим градоначальником», выказывали возмущение «гну-

ным поступком молодой убийцы» и осуждали «беззаконное самоуправство нигилистов». В столичной либеральной прессе («Голос», «Русский мир», «Северный вестник», «Русское обозрение», «Биржевые ведомости») проскальзывали некие двойственные суждения: огнестрельную акцию ни одна газета, конечно, не одобрила, но с другой стороны, и сочувствия в адрес потерпевшего градоначальника не выражали.

Суд грядет. Дело Засулич как уголовное передали в новоучрежденный суд присяжных заседателей. Тогда как дела политического характера разбирались Особым присутствием Правительствующего сената. Такое решение было вызвано многими обстоятельствами. Инициатива передать Засулич в присяжный суд принадлежала министру Палену и прокурору судебной палаты Лопухину. Два высших судебных чиновника, едва ознакомившись на месте происшествия с первыми показаниями арестованной, опрометчиво решили, что преступление без сомнений уголовное. Это была серьезнейшая ошибка: если бы они определили дело как политическое и направили его в Особое присутствие, в руки верных и благонадежных судей, то ни о каком оправдании террористки не могло быть и речи.

С другой стороны, суд присяжных постарались использовать в своих личностных интересах влиятельные недоброжелатели петербургского градоначальника. Как отмечал Кропоткин, «Трепов имел столько врагов в Петербурге, что им удалось передать дело обыкновенному суду присяжных»⁹⁴. Между Треповым, исполнявшим обязанности начальника столичной полиции, и Мезенцовым, возглавившим к тому времени III Отделение, постоянно возникали трения, столкновения и пререкания. Петербургский градоначальник явно перешел дорогу жандармскому ведомству. «Образовалось своего рода, *jalousie de métier* (ревность соперника по профессии (фр.). — Ю.П.). Вот почему дело Засулич попало в суд присяжных, а не в какое-нибудь “особое присутствие”»⁹⁵, — уверял Градовский. К тому же суд присяжных как бы подтверждал обывательские толки, что предстоящий процесс обычного уголовного свойства, и беспокоиться по поводу политического состояния империи нет никаких оснований.

Кроме этого у государственных мужей был и еще один важный расчет — привлечь на свою сторону широкую общественность при гласном обличении преступницы, а вместе с ней и всех законопреступников, посягнувших на правовые основы монархической государственности. Терроризм нигилистов легче было осудить в глазах широкой публики, чем их деревенскую пропаганду, за которую так неудачно судили на «Процессе 193-х».

Царским законникам «важно было выставить уголовщину именно как клеймо, отличающее и, конечно, порочащее крамолу. Ради этого они и передали дело Засулич (как в свое время дело Нечаева) в суд присяжных»⁹⁶, — отмечал историк Н.А. Троицкий. Ибо уголовные преступления «возбуждают такое отвращение» в обществе, какого преступления государственные «по особому свойству своему» возбудить не могут⁹⁷.

Пален заверял Александра II, что присяжные вынесут обвинительный приговор и тем дадут отрезвляющий урок безумной кучке революционеров, покажут приверженность представителей русского народа царю и его верным слугам⁹⁸. Революционер-семидесятник

и историк Э.А. Серебряков верно подметил: «Правительство, обманутое холопскими статьями легальных газет, выразившими благородное негодование, решило предать Веру Засулич суду присяжных, дабы “суд общественной совести”, осудив Засулич, вместе с тем косвенно осудил бы революционеров вообще»⁹⁹. По предположениям жандармской «Хроники», «процесс этот был как бы попыткой, пробным камнем для того, чтобы увериться, не достаточно ли обыкновенных юридических форм для суда над политическими преступниками; старались убедить себя в глубоком доверии прямоте присяжных, к серьезности адвокатуры, благоразумию общества и осторожности юристов»¹⁰⁰.

Судебный казус Засулич был ясен до предела: совершенно чудовищное и небывалое в отечестве преступление. Злоумышленница стреляла в должностное высокопоставленное лицо при исполнении служебных обязанностей. Виновность и осуждение Засулич представлялись бесспорными. Ее деяние квалифицировалось «Уложением о наказаниях» статьей 1454, по которой предусматривалось от 15 до 20 лет каторжных работ.

У министра юстиции и судебных верхов поначалу была полная уверенность в обвинительном вердикте присяжных заседателей при горячем одобрении публики. Однако серьезный ученый-правовед, через два года ставший обер-прокурором Синода, наставник цесаревичей Победоносцев писал наследнику престола, будущему Александру III: «Идти на суд присяжных с таким делом, в такую минуту, посреди такого общества, как петербургское, — это не шуточное дело. Но граф Пален пошел на это дело с легким сердцем»¹⁰¹. Называя Министерство юстиции «жалким министерством», Победоносцев утверждал, что «эти люди» признали покушение Засулич «не политическим» из «малодушной боязни оскорбить будто бы общественное мнение, из желанья пошеголять перед интеллигенцией, — пожалуй, перед Европой, — уважением к суду присяжных»¹⁰². Кони впоследствии писал, что такое решение возникло «в тупой голове Палена и в легкомысленном мозгу» Лопухина¹⁰³.

Правда, Пален еще до начала процесса засомневался в присяжном суде. Поскольку он нес личную ответственность перед царем за исход дела, то оно стало для него «проклятым делом», которое он рад был «спустить скорей», чтобы поставить крест «на всю эту проклятую историю». И «пусть только пройдет дело, а там мы еще поговорим»¹⁰⁴. Вместе с тем он и Лопухин продолжали настаивать на уголовной подоплеке казуса Засулич, которому не следует «придавать слишком важное значение». До последнего дня Пален старался уверить себя и других, что дело «пустое и ясное»¹⁰⁵.

(Продолжение следует)

Примечания

1. БИБЕРГАЛЬ А.Н. Воспоминания о демонстрации на Казанской площади. — Каторга и ссылка. 1926, № 7—8, с. 27—28.
2. СЕРГЕЕВ Н.И. Из жизни людей семидесятых годов. В кн.: Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли». Споры о тактике. Сборник документов. М.-СПб. 2012,

- с. 62; ПЛЕХАНОВ Г.В. Русский рабочий в революционном движении. В кн.: ПЛЕХАНОВ Г.В. Соч. Т. III. М.-Л. 1927, с. 153.
3. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. В кн.: КОНИ А.Ф. Избранные произведения. Т. 2. М. 1959, с. 28.
 4. Там же, с. 31.
 5. ГЕРНЕТ М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. 1870—1900. М. 1952, с. 92.
 6. БИБЕРГАЛЬ А.Н. Ук. соч., с. 28.
 7. Хроника социалистического движения в России. 1878—1887 гг. Официальный отчет. М. 1906, с. 13.
 8. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Тридцать лет тому назад (Из воспоминаний доктора). — Былое. 1907, № 6, с. 244.
 9. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Процесс первой русской террористки. — Голос минувшего. 1918, № 7—9, с. 149.
 10. СИНЕГУБ С.С. Записки чайковца. М.-Л. 1929, с. 189.
 11. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 245.
 12. Документ по треповскому избиению политических арестантов. Carouge-Geneve. 1900, с. 7.
 13. КАРПОВ Е. В.И. Засулич накануне покушения. Странички из воспоминаний. Июнь 1919 г. В кн.: Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли», с. 206.
 14. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 245.
 15. БИБЕРГАЛЬ А.Н. Ук. соч., с. 28.
 16. СЕРГЕЕВ Н.И. Ук. соч., с. 69.
 17. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 246—247.
 18. ЛИВШИЦ С. Революционеры в Казанской психиатрической больнице. — Пролетарская революция. 1923, № 10.
 19. ВИКТОРОВА-ВАЛЬТЕР С.А. Московская радикальная молодежь 70—80 гг. (Из воспоминаний). 1906—1909 гг. В кн.: Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли», с. 153.
 20. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 250.
 21. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 38.
 22. Там же.
 23. ГЛИНСКИЙ Б.Б. Революционный период русской истории (1861—1881 гг.). Исторические очерки. Ч. II. СПб. 1913, с. 212.
 24. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 250.
 25. Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта Трепова по управлению С.-Петербургским градоначальством и столичною полициею с 1866 по 1876 г. СПб. 1876.
 26. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Роковое пятилетие. 1878—1882 гг. (Из литературных воспоминаний). В кн.: ГРАДОВСКИЙ Г.К. Итоги. (1862—1907). Историко-политические очерки и статьи. К истории печати. Воспоминания (бытовые, литературные, военные). Избранные фельетоны. Киев. 1908, с. 12—13.
 27. НОВИЦКИЙ В.Д. Из воспоминаний жандарма. За кулисами политики. М. 2001, с. 357—358.
 28. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 250.
 29. КРОПОТКИН П.А. Записки революционера. М. 1990, с. 220.
 30. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 150.
 31. КРОПОТКИН П.А. Ук. соч., с. 393.
 32. ПОПОВ М.Р. Записки землевольца. М. 1933, с. 91.
 33. БУХ Н.К. Воспоминания. М. 1928, с. 162.
 34. КОРОЛЕНКО В.Г. История моего современника. В кн.: КОРОЛЕНКО В.Г. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. М. 1954, с. 205.
 35. ПЛЕХАНОВА Р.М. Страница из воспоминаний о В.И. Засулич. В кн.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. М.-Л. 1925, с. 83.
 36. Показания А.Д. Михайлова на следствии. В кн.: ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А.П., ФИГНЕР В.Н. А.Д. Михайлов. М.-Л. 1925, с. 120—121.
 37. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пг. 1924, с. 167—268.
 38. Там же, с. 235.
 39. ДЕЙЧ Л.Г. Валериан Осинский (к 50-летию его казни). — Каторга и ссылка. 1929, № 5, с. 20.

40. ПОПОВ М.Р. Ук. соч., с. 91; ДЕЙЧ Л.Г. Ук. соч., с. 22—24.
41. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ Р.А. Григорий Анфимович Попко. — Былое. 1907, № 5, с. 188.
42. ФРОЛЕНКО М.Ф. Возникновение «Народной воли». В кн.: ФРОЛЕНКО М.Ф. Собр. соч. Т. 2. М. 1932, с. 40.
43. ДАНИЛЕВСКИЙ Г. Знаменитый рысак. — Собеседник. Воронеж. 1971; КАМЕНСКИЙ Ф. Повесть о легендарном Варваре. — Неделя. 1976, № 36.
44. Из показаний Ф. Курицына о революционном народническом движении на юге России во второй половине 70-х годов. В кн.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. 1876—1882 гг. М.-Л. 1965, с. 113—114.
45. БУХ Н.К. Первая типография «Народной воли». — Каторга и ссылка. 1929, № 8—9, с. 62.
46. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 1185 (фонд В.Н. Фигнер), оп. 1, д. 147, л. 158—159.
47. КАРПОВ Е. Ук. соч., с. 206.
48. Там же.
49. ФРОЛЕНКО М.Ф. Ук. соч., с. 40—41.
50. Историю своего детства Засулич положила в основу двух автобиографических до сих пор неопубликованных очерков «Маша» и «Евреечка» (Архив Дома Плеханова, филиал Российской Национальной Библиотеки (АДП), ф. 1098 (фонд В.И. Засулич), ед. хр. 93—95). См.: КУРБАТОВА И.Н. Две повести В.И. Засулич. В кн.: Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л. 1979.
51. ЗАСУЛИЧ В.И. Воспоминания. М. 1931, с. 11.
52. Там же, с. 10.
53. ЕЕ ЖЕ. Откровенные речи. [1885 г.]. Архив В.И. Засулич в Доме Плеханова. В кн.: Книги. Архивы. Автографы: Обзоры, сообщения, публикации. М. 1973, с. 152.
54. Процесс Веры Засулич. Суд и после суда. СПб. 1906, с. 51.
55. ДЕЙЧ Л.Г. Вера Ивановна Засулич. В кн.: ЗАСУЛИЧ В.И. Революционеры из буржуазной среды. Пг. 1921, с. 7.
56. ТИХОМИРОВ Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М. 2000, с. 287.
57. ФРОЛЕНКО М.Ф. Памяти отошедших. В кн.: ФРОЛЕНКО М.Ф. Собр. соч. Т. 2. М. 1932, с. 124—128.
58. ДЕЙЧ Л.Г. «Черный передел». В кн.: Историко-революционный сборник. Т. 2. Л. 1924, с. 276.
59. ТИХОМИРОВ Л.А. Ук. соч., с. 343.
60. АКСЕЛЬБРОД П.Б. Этюды и воспоминания. М. 1925, с. 36.
61. ФРОЛЕНКО М.Ф. Ук. соч., с. 131.
62. ДЕЙЧ Л.Г. Вера Ивановна Засулич, с. 13.
63. БУХ Н.К. Воспоминания, с. 152.
64. ДЕЙЧ Л.Г. Валериан Осинский, с. 24.
65. ЕГО ЖЕ. «Черный передел», с. 276.
66. БУХ Н.К. Воспоминания, с. 153.
67. Процесс Веры Засулич. Суд и после суда, с. 13.
68. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 109 (фонд III Отделения), Секр. архив, оп. 1, д. 717, л. 3.
69. Северный Вестник. 27.01.1878.
70. ЗАСУЛИЧ В.И. Воспоминания, с. 67.
71. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 51.
72. К делу Веры Засулич. Всеподданнейший доклад шефа жандармов о В.И. Засулич 24 января 1878 г. В кн.: Группа «Освобождение труда». М.-Л. 1924, с. 329.
73. МИЛЮТИН Д.А. Дневник. 1876—1878. 2009, с. 376.
74. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 51.
75. Там же.
76. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., с. 207.
77. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 52.
78. КРОПОТКИН П.А. Ук. соч., с. 393.
79. ВАЛУЕВ П.А. Дневник. 1877—1884. Пг. 1919, с. 25.

80. ТИХОМИРОВ Л.А. Воспоминания. М.-Л. 1927, с. 96.
81. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., с. 107.
82. Там же.
83. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 250.
84. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 53.
85. РУСАНОВ Н.С. На родине. 1859—1882. М. 1931, с. 153.
86. ПЛЕХАНОВА Р.М. Ук. соч., с. 82.
87. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Мои встречи с В.И. Засулич. В кн.: Группа «Освобождение труда». М.-Л. 1925, с. 73.
88. РУСАНОВ Н.С. Ук. соч., с. 153.
89. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 54.
90. РУСАНОВ Н.С. Ук. соч., с. 154.
91. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 54—55.
92. Там же, с. 55.
93. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Ук. соч., с. 74.
94. КРОПОТКИН П.А. Ук. соч., с. 393.
95. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Ук. соч., с. 15.
96. ТРОИЦКИЙ Н.А. Царские суды против революционной России. Саратов. 1976, с. 214—215.
97. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. СПб. 1867, с. 391.
98. БУХ Н.К. Ук. соч., с. 162.
99. СЕРЕБРЯКОВ Е.А. Очерк по истории «Земли и Воли». СПб. 1906, с. 34.
100. Хроника социалистического движения в России. 1878—1887 гг., с. 14.
101. Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. I. М. 1926, с. 119.
102. Там же.
103. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 52.
104. Там же, с. 71—72.
105. [ПЕРЕТЦ Е.А.] Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря (1880—1883 гг.). М.-Л. 1927, с. 49.

ISSN 0042-8779

ИВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

2

2015

797214

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2/2015

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

п 22 а
1427

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. 3

СТАТЬИ

И.В. Омельянчук — Парламентаризм в идеологии российских консерваторов начала XX в. 13

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

К.А. Юдин — Матвей Федорович Шкирятов 36

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Ю.А. Пелевин — Казус Засулич 52

СООБЩЕНИЯ

Н.С. Ватник — Организация военной подготовки учащихся в 1915—1917 гг. 71

В.В. Трепавлов — Царские путешествия по этническим регионам России 85

Выходит с 1926 года

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» МОСКВА

144

РОС НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА С -Петербург 03 2015 акт 304

- Л.А. Кирилина** — Словенский политик Б. Вошняк о России. 1904—1917 гг. 98
- Ю.В. Куликова** — Власть и государство у кельтов 111

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- С.Б. Панин** — Панисламизм в Средней Азии перед первой мировой войной 121

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А.С. Манойленко, Ю.Е. Манойленко** — Процесс по делу Ш. Конарского и судьбы польских ссыльных 137
- Е.Н. Шумилов** — Русь в период распада в 40-е гг. X в. ... 144
- И. Рождественский** — «Новая Вандея». Феномен образа врага 152

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Н.А. Иванова** — Приходские училища в Смоленской губернии в XIX в. 160

ИСТОРИОГРАФИЯ

- М.А. Виноградов** — М.А. Полякова. Усадьба Поречье Уваровых в культуре России 168
- А.А. Егоров** — Л.И. Ивонина. Мальборо. Жизнь знаменитого полководца и политика на фоне его эпохи 170
- В.В. Орлов** — Р.Г. Ланда. Судьба морисков 172

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Казус Засулич

Ю.А. Пелевин

По случайному стечению обстоятельств 24 января, в день выстрела в Трепова, на должность председателя Санкт-Петербургского окружного суда вступил А.Ф. Кони. Он был протеже К.И. Палена и многим обязан своему покровителю. Перед процессом между ними состоялось несколько разговоров, неприятного характера. 27 марта министр Пален прямо заявил будущему председателю суда, что Засулич должна быть осуждена: «Обвинитель, защитник, присяжные — все вздор, тут все зависит от вас!... Если Анатолий Федорович захочет, то он так им скажет, что они сделают все, что он пожелает!» — уверял Пален. Кони заявлял, что умение председателя состоит в беспристрастном соблюдении закона. И угодного министру юстиции исхода процесса он предвосхитить не может¹. Но может «ручаться за соблюдение по этому делу полного беспристрастия и всех гарантий правильного правосудия»².

Взять на себя защиту подсудимой готовы были многие адвокаты. Роль защитника досталась П.А. Александрову, бывшему товарищу прокурора судебной палаты, на то время еще не имевшему популярности присяжному поверенному³. Ссылаясь на свой профессиональный опыт, он уверял: «Забудьте мои старые грехи, передайте мне защиту Веры Засулич, я сделаю все возможное и невозможное для ее оправдания, я почти уверен в успехе»⁴. Засулич согласилась с кандидатурой Александрова по совету Е.К. Брешко-Брешковской, с которой сидела в ДПЗ. Ей адвокат понравился своей речью на «Процессе 193-х»⁵.

Александров энергично занялся подготовкой к процессу. Почти каждый день он посещал окружной суд по разбору уголовных дел. Сидя среди публики, он изучал характеры присяжных заседателей, избранных по жребию на очередную сессию, — кто тверд в своем мнении, а кто мягок и внушаем. Александров знал, что входные билеты на предстоящий процесс усиленно разбираются сановно-бюрократическими персонами, относившимися недоброжелательно к Тре-

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2015. № 1.

пову. По всей видимости, они должны сочувственно относиться к подсудимой, чем могли повлиять на присяжных ⁶.

Александров отвел из 12-ти присяжных заседателей 11 человек. Он убрал почти всех купцов, по своей деятельности наиболее зависимых от градоначальника; исключил двух действительных статских и одного статского советника, имевших свои собственные суждения. Были отобраны чиновники среднего положения и интеллигенты: один «свободный художник», «действительный студент», помощник смотрителя Александро-Невского духовного училища, четыре надворных и один титулярный советник, купец, коллежский секретарь, коллежский регистратор и один дворянин ⁷. Избранные присяжные чувствовали себя столь неуверенно, что накануне заседания попросили судебного пристава узнать у председателя суда, не следует ли им надеть фраки, у кого были, и белые галстуки. Кони велел передать, что не находит это нужным.

Такая селекция присяжных происходила при согласии, если не при попустительстве, прокурора К.И. Кесселя, которому поручили на процессе обвинение Засулич. Опытный К.П. Победоносцев раздраженно и справедливо отмечал, что прокурор «мог бы отвести всех тех чиновников, которых оставил защитник, и мог бы оставить всех тех купцов, которых защитник отвел... Тогда и приговор присяжных мог быть совсем иной» ⁸. Такого же мнения был и государственный секретарь Е.А. Перетц. «Таким образом, состав присяжных был благоприятный подсудимой» ⁹.

Подготовительную работу Александров провел и с Засулич. Он пытался убедить ее сделать «некоторые смягчающие ее положение заявления, например, что она не стремилась выстрелить в Трепова, а готова была пустить пулю мимо, так как цель ее заключалась в том, чтобы обратить общественное внимание на возмутительное распоряжение Трепова. Но Вера Ивановна категорически отказалась от таких ухищрений и потребовала от адвоката «обещания не прибегать к извращению действительности, дав ему недвусмысленно понять, что в противном случае ей придется отказаться от его защиты» ¹⁰.

Накануне суда защитник явился в тюрьму с картонкой в руках — он привез мантильку. Ему, предусматривавшему все мелочи, хотелось, чтобы подсудимая в глазах публики выглядела привлекательней, благоприличней. Александров пояснил обвиняемой: «Наш народ полон предрассудков, например, принято считать, что кто ногти грызет, тот злой человек, а у вас есть эта привычка. Пожалуйста, воздержитесь на суде, не грызите ногтей». На суд Засулич явилась без мантильки, зато пообещала не грызть ногти ¹¹.

Суд. Процесс Веры Засулич занял всего один день — 31 марта 1878 года. Здание Петербургского окружного суда, Шпалерная 26, находилось в бывшем арсенале, приспособленном в середине 1860-х гг. для «судебных установлений». Фасадом постройка выходила на Литейный проспект, а переходом вдоль Шпалерной соединялась с ДПЗ для удобной доставки обвиняемых в суд.

Судебный зал к 11 час. утра был набит битком. Преобладала петербургская интеллигенция из чиновников. Присутствовала, конечно, «целая плеяда сановников; мундиры, вицмундиры, звезды. Звездам так тесно, как на млечном пути, — свидетельствовал очевидец процесса Г.К. Градовский. — Тут и члены Государственного совета, и сенаторы. Начиная от скамей присяжных заседателей, сидят пред-

ставители суда, знаменитости адвокатуры, журнальные, литературные известности. В обоих входных коридорах теснится еще толпа вицмундиров и фраков. В местах, обыкновенно занимаемых публикою, внизу и наверху, пестрят дамские платья; называют несколько громких имен петербургской аристократии; между ними опять вицмундиры и фраки. Ничего серенького, ничего обыденного. Публика впускалась по билетам, заранее распределенным!»¹² В первом ряду — военный министр Д.А. Милютин, неподалеку — государственный канцлер А.М. Горчаков.

Трепов отказался от участия в суде по состоянию здоровья. Даже снятие допроса у него дома оказалось невозможным, так как «могло вредно сказаться на ходе лечения». Однако к началу судебного разбирательства Трепов совершенно оправится и, разъезжая в коляске по городу, уверял всех и каждого, что будет рад, если покушавшаяся будет оправдана¹³.

На скамье подсудимых сидела довольно симпатичной наружности девушка. В свои 28 лет Засулич выглядела молодожаво, но внешней броскостью не блистала, скорее, была бесцветна, что называется «серенькая мышка». Брюнетка, среднего роста, со скромной прической, в черном платье. «Бледные, исхудалые черты лица ее носят следы душевных страданий и физических лишений. Говорят, это подсудимая!»¹⁴

Обвинение поддерживал товарищ прокурора Петербургского окружного суда Кессель. Он случайно попал на эту историческую роль после того, как два других прокурора отказались участвовать в процессе. Кессель провел обвинение довольно искусно, хотя и прочитал речь по бумажке. По указанию Плена в обвинительном акте не было и намека на политический характер прецедента. На юридическом обосновании факта преступления прокурор не задержался, так как криминальность его была всем очевидна. Упор был сделан на «самоуправство» Засулич и «безнравственность» ее акции. «Никто не имеет права, — утверждал прокурор, — производить такие действия, которые нарушают права, а тем более касаются жизни другого лица. Каждый волен любить или ненавидеть кого ему угодно, но никто не может нарушать чужих прав». «Какое право имела Засулич считать свое собственное решение чем-то вроде суда. Какое право она имела присваивать своим взглядам те последствия, которые имеет только судебный приговор». Кессель настаивал, что любой «провинившийся человек», подразумевая Трепова, но не называя его, имеет право на суд закона, а не на самосуд; «никакие самые красноречивые рассуждения не сотрут пятен крови с рук, покусившихся на убийство». И, развивая свою мысль далее, он утверждал: «Нужно удивляться, что находятся еще люди, которые предполагают, что при помощи безнравственных средств можно достигнуть нравственных целей»¹⁵.

По существу прокурор был прав, но его речь не произвела впечатления. Проблема моральности революционного насилия встала во всей силе перед российским обществом намного позже. А тогда в зале суда Кесселя не захотели услышать.

Однако проблема революционной морали напрямую затрагивала людей из подполья, и они заочно отвечали государственному обвинителю. Их интересовал вполне конкретный вопрос в условиях имперской власти — как можно утвердить справедливые и законные права человека, которые отсутствуют в незаконном государстве. В

прокламации, написанной Д.А. Клеменцем ¹⁶, спрашивалось: «Каким путем мог Боголюбов, сосланный в центральную тюрьму, вступить за свое поруганное человеческое достоинство? Мы, пишущие эти строки, нисколько не сторонники насилия. Мы боролись и боремся за права человека, за водворение мира и гуманности на земле, но мы всенародно решаемся почтительно принести нашу глубокую благодарность тебе, бесстрашная русская девушка, не отступившая перед страшной кровавой мерой и собственной погибелью, когда не оставалось других средств для защиты прав человека. Среди холопства молчащего, задавленного общества ты одна решилась собственною непривычною к насилию рукою обуздать безнаказанный произвол, перед которым все преклонялось» ¹⁷.

В прокламации «13 июля и 24 января», написанной Адрианом Михайловым ¹⁸, покушение на Трепова оправдывалось следующим образом: «Есть суд, который превыше всяких “особых присутствий”, суд строгий, неумолимый, неподкупный — то суд чистого, неиспорченного, нравственного чувства! От этого суда и не ушел ты, полувластелин русской столицы!» ¹⁹

Судебное разбирательство по делу Засулич продолжалось. Слово предоставили подсудимой. Она кратко и сбивчиво рассказала о своих без суда и следствия мытарствах по тюрьмам и ссылке. И «симпатии зала сразу оказались на ее стороне» ²⁰, — отмечал Сергей Голоушев, присутствовавший на суде в качестве свидетеля.

Причину покушения на генерал-губернатора она объяснила протестом против незаконности экзекуции над Боголюбовым. Она решилась прибегнуть к оружию только потому, что не видела никаких других средств, чтобы общество узнало об истязании политзаключенного, чтобы добиться справедливости и «сделать не таким легким надругательство над человеческим достоинством». «Страшно поднять руку на человека, — говорила она в волнении, — но я находила, должна это сделать... Я не хотела убивать; мне было все равно; я добивалась только, чтобы не прошло незаконно, чтобы обратили, наконец, внимание, чтобы затруднить, по крайней мере, легкость повторений» ²¹. И добавила, что рада выздоровлению Трепова ²². «Рассказ Засулич тронул все сердца» ²³, — писал Градовский.

Начался опрос свидетелей, в том числе и политзаключенных, пострадавших при тюремном избиении. На их вызове настоял Александров. Показания свидетелей воочию объясняли не только побудительные причины поступка подсудимой, но и выявили противоправное и бесчеловечное истязание арестантов. Заключенные оказались совершенно бесправны перед начальственными чинами, прежде всего Треповым, который учинил публичную порку спустя 15 лет после официальной отмены телесных наказаний. Публика в зале и присяжные не могли не проявить сочувствия к жертвам беззакония. «Когда присутствовавший в зале весь Петербург, — писал Градовский, — узнал, что проделал Трепов в предварительной тюрьме, ... всем стало тяжело, стыдно» ²⁴.

Адвокат Александров выступил с типичной для своего времени речью, построенной на «психологии», морализаторстве и сострадании. Защищать обвиняемую как террористку было бесперспективно — слишком очевидно самоуправное посягательство на должностного представителя власти. Преступление и есть преступление.

Александров мастерски разыграл адвокатскую козырную карту: он до глубины души разжалобил аудиторию мученической судьбой подсудимой, рассказанной с трагическими подробностями. Нужно было свинцовое сердце, чтобы остаться равнодушным к тем фактам, которые адвокат живописал в своей речи. Оказалось, скромная девушка, защитница и мстительница за поруганное человеческое достоинство, сама была жертвой беззакония. Ее, «натуру экзальтированную, нервную, болезненную, впечатлительную», продержали два года в одиночном заключении и признали в судебной палате непричастной к возводимому обвинению, но все-таки сослали в административном порядке.

Александров особенно настаивал на том, что подзащитная выступила бескорыстно и самоотверженно на защиту Боголюбова, который «не был для нее родственником, другом, он не был ее знакомым, она никогда не видала и не знала его». Ее подвигло на то деяние, за которое сейчас судят, «возбуждающее в честной душе чувство сожаления, сострадания, сердечной симпатии»²⁵.

Засулич сама была готова разрыдаться. «Голова ее упала на сложенные на пюпитре руки, — вспоминал Голоушев, — пряча лицо в скомканный платок, старается девушка заглушить и скрыть свои рыдания, но худенькие вздрагивающие плечи ее выдают. Слышатся всхлипывания и кое-где в зале. Я тоже вытираю набегающие на глаза слезы, оглядываюсь на ряды публики и вижу такие же слезы в глазах у многих»²⁶.

Волнение в зале достигло апогея, когда Александров развернул картину экзекуции Боголюбова. Выяснилось, что Боголюбов ни в чем не виноват перед самовольным экзекутором Треповым. Последовали сцены с «мучительным стоном удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человека».

Слова защиты приветствовал взрыв рукоплесканий. Раздались аплодисменты, громкие крики «браво». Председатель суда Кони вынужден был напомнить публике, что суд не театр, и при повторении подобного он распорядится очистить зал²⁷. Правящая верхушка впоследствии не могла простить Кони, что он не сумел остановить этой «непозволительной» защиты, которая наэлектризовала публику и присяжных²⁸.

«Ярко помню посейчас и фигуру Александрова, точно выросшего на целую голову, — вспоминал Голоушев, — и его властный голос, гремевший в зале, помню ярко и то, что весь зал как загипнотизированный смотрел ему в глаза и жил его мыслями и его чувствами. Помню и Засулич, которая и сама не заметила, как перестала рыдать, и, выпрямившись, сидела, впившись глазами в одухотворенное лицо оратора. Сидела, как зачарованная тем, что говорит он о ее мыслях и ее переживаниях»²⁹.

Закончив речь обращением к присяжным заседателям, Александров указал им логический путь к оправдательному вердикту, которые уже неоднократно выносились. «Были здесь женщины, смертью мстившие своим соблазнительям; были женщины, обгарявшие руки в крови изменивших им любимых людей или своих более счастливых соперниц. Эти женщины выходили отсюда оправданными. То был суд правый, отклик суда божественного, который взирает не на внешнюю только сторону деяний, но и на внутренний их смысл, на действительную преступность человека. Те женщины, совершая кро-

вавую расправу, боролись и мстили за себя. В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести — женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею, во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей ее молодой жизни. Если этот мотив проступка окажется менее тяжелым на весах общественной правды, если для блага общего, для торжества закона, для общественности нужно призвать кару законную, тогда — да совершится ваше карающее правосудие! Не задумывайтесь!»³⁰

Речь принесла Александрову известность и одно из первых мест в правоведческом мире. Полный текст его выступления поместили петербургские и заграничные газеты. «Защита Веры Засулич, — как писал один из его коллег, — сделала адвоката Александрова всемирно знаменитым»³¹.

Кони в напутственном слове присяжным заседателям попытался уравновесить обе чаши весов Фемиды: он не высказал ни одного лишнего довода ни в пользу обвинения, ни в пользу защиты. Он неукоснительно соблюдал законность, гласность и состязательность сторон. Но в заключительном выступлении он попытался подсказать присяжным искомое судебное решение, зависящее не от юридических норм, но от личностных представлений присяжных о справедливости: «Вы произнесете решительное и окончательное слово по этому делу, — напутствовал первоприсутствующий. — Вы произнесете это слово по убеждению вашему, основанному на всем, что вы видели и слышали, и ничем не стесняемому, кроме голоса вашей совести». Он как бы подсказывал присяжным, что, если даже они признают Засулич виновной, то могут найти для нее снисхождение. Председатель суда подталкивал присяжных к компромиссному решению: отрицать факт преступления невозможно, но можно найти «по совести» смягчающие обстоятельства.

Присяжные удалились в совещательную комнату. В судебном присутствии объявили перерыв. Большинство публики было на стороне подсудимой, но совершенное преступление требовало должного наказания.

Сложилась почти экзистенциальная ситуация: «Наказать нельзя оправдать». Где ставить знак препинания? Только один человек *почти* не сомневался в оправдании — адвокат Александров. Остальные были *почти* уверены в обвинительном приговоре.

Но александровское «почти» было весьма шатким. Опытный адвокат ждал худшего. Рассказывали, когда перед началом заседания его спросили, вполне ли он готов к защите, он ответил, что совершенно готов: уже уложил чемодан и взял заграничный паспорт³². Со свойственной ему иронией он шутил, но неискренних шуток не бывает. Кони полагал: «скорее обвинят, чем оправдают», хотя не исключал возможности оправдания³³.

Адвокаты, с которыми Голоушев успел переговорить во время перерыва, склонялись к формулировке — «виновна, но заслуживает снисхождения». Казалось, что «присяжные скажутся нерешительными людьми, пойдут по этой линии наименьшего сопротивления, и процесс потеряет свое значение... Таково же было ожидание, — вспоминал Голоушев, — и у прочей публики, как мне удалось уловить из разговоров, возникавших в разных группах. Кое-кто был настроен более оптимис-

тично и указывал на высокий культурный уровень присяжных, среди которых большинство действительно производило впечатление интеллигентных людей, но голоса этих оптимистов вызвали у большинства только сомнительное покачивание головою. Общее ожидание все-таки сводилось к тому, что полного оправданная Засулич не будет»³⁴.

«Сливки общества», интеллигенция, судейские и сама подсудимая, похоже, не ожидали оправдания. Но всем хотелось осуждения Трепова и максимально мягкого приговора подсудимой. Ф.М. Достоевский вынес свое особое определение: «Осудить нельзя, наказание неуместно, излишне; но как бы ей сказать: “Иди, но не поступай так в другой раз”. “Нет у нас, кажется, такой юридической формулы, — добавил он, — а чего доброго, ее теперь возведут в героини”»³⁵. И прав оказался провидец.

Высокие судебные особы, присутствовавшие на процессе, до конца пребывали в убеждении не столько в справедливости, сколько в «благомыслии» присяжных, то есть в их обвинительном решении.

В кабинете Кони собрались: сенатор М.Е. Ковалевский, прокурор Лопухин и историк русского права, либерал Б.Н. Чичерин. Кони интересовало мнение Ковалевского о ходе процесса. «Ну что, мой строгий судья?..» — спросил его Кони. «Обвинят, несомненно», — отвечал он, не поняв вопроса. «Нет! А как шло дело?» — «Очень хорошо! — сказал он, крепко пожимая руку председателя суда, — вы сумели соединить строгий порядок с предоставлением сторонам самых широких прав, и, даже желая вас, по дружбе, раскритиковать, я не могу ни к чему придаться». Чичерин удивлялся, как такое дело можно вести с присяжными. «Оно имеет несомненный политический оттенок, — говорил он, — и если присяжные вынесут обвинительный приговор, то этим они покажут, что они умнее тех, кто передал это дело на их суд». Лопухин таинственно сообщил, что на улице беспокойно, что можно ожидать беспорядков, и он боится, чтобы присяжные не пострадали за свой обвинительный приговор. «Обвинят! Обвинят наверное!» — восклицал он³⁶.

Революционеры были того же мнения. Возможность признания террористки в царском суде безвинной не допускалась. «Само собою разумеется, — вспоминал Тихомиров, — мы не предполагали тогда, что Засулич оправдают»³⁷. «То, из-за чего она стреляла в Трепова, было понятно и близко нам, — поясняла Викторова-Вальтер, — и все мы были уверены в том, что эта прекрасная, героическая девушка неминуемо должна погибнуть! Сознание этой неизбежности и создало то настроение внутренней тревоги, которое охватило всех нас»³⁸.

Собственно никто не ждал благого исхода, и надежд на присяжных не возлагал.

Приговор. Не прошло и десяти минут, как из совещательной комнаты раздался звонок. Наэлектризованная публика поспешно занимала места. Присяжные заседатели вышли с бледными лицами, теснясь и не глядя на подсудимую. Настала напряженная тишина...

Старшина присяжных дрожащею рукою подал председателю суда лист с решением дела. Тот прочитал без всякого выражения, подписал и вернул его. Старшина, став лицом к публике, объявил: «Невиновна!» «В зале раздался не то стон, не то крик. Разом ахнула толпа, как один человек»³⁹.

Что заставило присяжных принять решение, которое от них не требовали и не ждали? Перипетии до сих пор остаются не до конца понятны. Убедительного объяснения нет. По судебным установлениям, присяжные не должны разглашать тайны своего обсуждения и не ответственны за свое решение ни перед кем.

Многое зависело от старшины Анатолия Ильича Лохова — столоначальника Министерства финансов и придворного советника — человека с положением и авторитетного среди присяжных. Но ни он, ни другие присяжные не оставили воспоминаний или каких-либо материалов, проливающих свет на ход обсуждения в совещательной комнате. Во всяком случае, мне таковые не известны ⁴⁰.

Присяжные, видимо, осознали, что обвинительный приговор послужил бы косвенным одобрением административного произвола и потворством треповым, чему даже высокопоставленная публика выражала свое неодобрение. При существовавших порядках каждый мог оказаться на месте Боголюбова. Возможно, присяжных искренне тронула бескорыстная и самоотверженная подсудимая с изломанной судьбой. Но все эти мотивы не объясняют, почему они приняли вердикт, *полностью* обеляющий Засулич, ведь всех бы устроило половинчатое решение, по которому ее признавали виновной при наибольшем к ней снисхождении. Кони справедливо заметил: «Все, что было понятного в возмущении Засулич поступком Трепова и трогательного в ее самопожертвовании, повлияло бы только на мягкость приговора, но не на существо его, не заслонив собою преступности кровавого самосуда» ⁴¹. Знали бы господа присяжные, какой ящик Пандоры открывают.

Между тем, в решении присяжных был юридический казус, требующий разъяснения. В массовом сознании обвинительный вопрос на суде: «Виновен ли?» тождественен вопросу: «совершил ли преступление?». Но по нормам отправления правосудия того времени это неравнозначные вопросы. «В деле Засулич был именно такой случай, — утверждал Кони, — и почти никто не хотел понять, что, говоря «невиновна», присяжные вовсе не отрицали того, что она сделала, а лишь не вменяли ей этого в вину» ⁴². То есть ответ присяжных корректнее должен был звучать так: «Виновна, но вина ни в коей мере не вменяется подсудимой».

В зале суда после оправдательного вердикта началось что-то невообразимое. «Крики несдержанной радости, истерические рыдания, отчаянные аплодисменты, топот ног, возгласы: “Браво! Ура! Молодцы! Вера! Верочка! Верочка!” — все слилось в один треск, стон, и вопль. Многие крестились; в верхнем, более демократическом отделении для публики обнимались; даже в местах за судьями усерднейшим образом хлопали, — свидетельствовал Кони. — Один особенно усердствовал над самым моим ухом. Я оглянулся. Помощник генерал-фельдцейхмейстера граф А.А. Баранцов, раскрасневшийся седой толстяк, с азартом бил в ладони. Встретив мой взгляд, он остановился, сконфуженно улыбнулся, но едва я отвернулся, снова принялся хлопать» ⁴³.

По воспоминаниям Голоушева, «раздались такие бурные аплодисменты и поднялся такой гвалт, что ничего нельзя было ни слышать, ни разобрать. Одни кричали: “Браво!”, “Браво присяжные!”, другие:

“Да здравствует суд присяжных!” , третьи кидались друг друга обнимать и кричали: “Поздравляю, поздравляю!”. Меня схватил в объятия какой-то седенький генерал и тоже кричал мне что-то, чего я не мог разобрать. Многие из публики перелезли через перила, кинулись к Александрову и Засулич, пожимали им руки, поздравляя их»⁴⁴.

Рукоплескала и кричала «браво» также и самая избранная публика⁴⁵, «сливки петербургского общества» встретили решение присяжных с явным ободрением, как отмечала газета «Голос»⁴⁶. В записке, представленной III Отделению, аноним доносил, что «даже люди высокопоставленные, принадлежащие к высшим слоям общества и администрации, радовались приговору, видя в нем торжество правды», и объяснял оправдательный приговор «негодованием против полицейского произвола»⁴⁷.

Член совета министерства внутренних дел А.И. Деспот-Зенович пришел благодарить Кони: «“Счастливейший день моей жизни! Счастливейший день моей жизни! — вскричал сановник, ударяя себя с силою по звезде, и лицо его внезапно покраснело, и старческие нервные слезы заблестали в его глазах. — Счастливейший день!” — повторил он тихо, крепко сжимая мою руку»⁴⁸. Видный ученый криминалист Н.С. Таганцев вспоминал, что аплодировал даже государственный канцлер А.М. Горчаков⁴⁹, умудренный жизнью восьмидесятилетний старец.

Председатель суда не пытался восстановить порядок в зале, так в неистовой сумятице процесс и закончился. «Никто не слышал, как Кони объявил Засулич, что она свободна»⁵⁰. Законник до мозга костей, он выдал письменное предписание суда А.В. Фёдорову, управляющему ДПЗ, об освобождении из-под стражи оправданной подсудимой⁵¹.

Сама Засулич, по собственному признанию, еще до теракта «рассчиталась с жизнью на воле и больше о ней не думала»⁵². До последней минуты она не верила в свое освобождение. Вернувшись по переходу из здания суда в ДПЗ в свою камеру за вещами, она спрятала в карман стеариновый огарок и огрызок карандаша, полагая, что ее отсюда переведут в более худшее место⁵³. И села пить чай на дальнюю дорожку тогда, когда Федоров упрашивал ее покинуть тюрьму как можно скорее⁵⁴.

Судебный процесс над Верой Засулич стал хрестоматийным в истории российского судопроизводства. И неповторимым: больше никогда дела политических преступников не передавались на рассмотрение присяжных поверенных, представителей общества, во избежание казуса Засулич.

У здания суда. Уличную публику не пускали далее противоположного тротуара от здания суда. Городской люд с раннего утра заперудил Литейный проспект между старыми пушками артиллерийского управления и бывшим арсеналом. Все они упорно ожидали исхода процесса.

Собралась «толпа тысячи в полторы»⁵⁵. Эта же цифра приведена в прокламации, отпечатанной в Вольной Русской типографии⁵⁶. Как показывал в полиции Аркадий Головин, сходбище было «тысячи полторы-две и состояло из самых разнообразных элементов: тут были рабочие, присяжные поверенные, литераторы, военные, студенты и

прочие»⁵⁷. По газетному сообщению, «немало было и рабочих со строящегося Литейного моста»⁵⁸. Но преобладала учащаяся молодежь. По тем временам это была очень большая демонстрация.

Накрапывал холодный мартовский дождь. Молодые люди в широкополых шляпах месили слякоть высокими сапогами и кутались в пледы. Одним своим видом толпа упреждала нечто незаурядное, предвещающее важные события. За Невой виделись багровые отсветы пожара: на Выборгской стороне горела огромная фабрика⁵⁹. Клио как бы отмечала зловещим знамением будущие события.

Толпа встретила оправдательный приговор с восторгом. Засулич приветствовали криками «Ура!», «Да здравствует Засулич!», «Слава Засулич!». Ее с триумфом понесла на руках, народ напирал и толкал того, кто нес ее на плече. Засулич хваталась за головы окружающих и кричала: «Господа уроните! Упаду! Пустите меня!»⁶⁰.

Современники впоследствии особенно подчеркивали тот факт, что «ни публика, ни революционеры, ни жандармы, ни полиция не ожидали такого приговора, не подготовились к нему и, главное, не сообразили всех его последствий»⁶¹. Подпольная газета «Начало» отмечала: «Никто не ожидал такого приговора, а правительство всего менее»⁶². С. Федорченко, биограф Засулич, также разделял мнение, что никаких приготовлений на случай оправдания ни со стороны властей, ни со стороны революционеров не велось⁶³.

На Шпалерной в сотне шагов от взбудораженной толпы Голоушев нанял извозчицью карету. Вскочив на козлы, он подкатил к Засулич, которую плотным кольцом окружала ликующая молодежь. С трудом ее посадили в экипаж⁶⁴, который стал медленно продвигалась среди толпы. Шествие вылилось в стихийную уличную демонстрацию торжествующей и угрожающей толпы. «Это был скандал, смятение, беспорядок»⁶⁵.

Приверженцам Засулич казалось, что ее могут арестовать сейчас же, как только начальство опомнится. Но полиция и жандармерия, под водительством полицеймейстера А.И. Дворжицкого, пытались лишь навести хоть какой-то порядок. Невиданное скопище народа привлекло, по свидетельству Тихомирова, «простых любопытных, иногда ровно ничего не понимавших. Так, например, в толпу случайно затесались конвойцы, черкесы, которые шли мимо и заинтересовались, что такое происходит»⁶⁶.

Блюстители порядка отнюдь не собирались арестовывать только что освобожденную, так как растерянные высшие начальники таких распоряжений не давали. Правда, полицейские пытались оттеснить толпу от кареты и подойти к ней вплотную, чтобы спровадить ее поскорей. Они надеялись, что с отъездом виновницы волнений, демонстранты разойдутся. Тем более, что наиболее возбужденные из них собирались провести Засулич с триумфом по главным улицам столицы мимо Зимнего дворца. Вся эта вакханалия добром не кончилась. Манифестанты продолжали провожать Засулич по Шпалерной и дальше по Воскресенскому проспекту.

Неожиданно из-за угла дома Шуленбурга раздалось два выстрела. Одна пуля попала в каску жандарма Микулина, а вторая ранила Анну Рафаилову, слушательницу медицинских курсов. Прозвучал третий выстрел, на тротуаре остался лежать Г.П. Сидорацкий. Толпа начала разбегаться с криками «Жандармы стреляют!».

Полиция бросилась разгонять толпу, которая и так уже бежала в разные стороны. Начались паника и неразбериха: кого помяли, кого побили, кто скрылся в проходных дворах. Карета с Засулич и присяжным поверенным Е.В. Коршем умчалась неизвестно куда ⁶⁷.

С Воскресенского проспекта выехали конные жандармы. Они не стали останавливать карету, но во весь карьер бросились разгонять публику, которая «объятая страхом, спасалась во дворы и подъезды» ⁶⁸.

Где скрывалась Засулич. Разыскать Засулич жандармам так и не удалось, несмотря на все старания. Секрет ее неуловимости состоял в том, что она постоянно меняла тайные места пребывания. Первые дни она скрывалась на квартире Евтихи Карпова на Рижском проспекте ⁶⁹. Потом ее переправили на квартиру Аполлона Жемчужникова, фактического редактора журнала «Слово».

Николай Бух дня через два навестил свою старую знакомую. «Сидела одна, читала русские и иностранные газеты, жаловалась на скуку. “Все приходящие сюда, — жаловалась она, — считают своим долгом петь мне дифирамбы. Коробит меня от этих похвал. Вчера зашла ко мне Маша (Коленкина. — Ю.П.) и за что-то выругала меня дурой; по контрасту это было мне очень приятно”» ⁷⁰. В воспоминаниях Засулич признавалась: «Я чувствовала себя слишком стесненной и поэтому, несмотря на окружающее меня сочувствие, более одинокой, чем в доме предварительного заключения» ⁷¹.

Спустя несколько дней Засулич под вооруженной охраной Николая Буха, его брата Клеменца и Карпова перевели от Жемчужникова на Невский проспект, в квартиру Ореста Веймара, врача, оказывавшего помощь землевольцам. Засулич «справедливо протестовала против такой свиты, находя, что это не конспиративно, но конвой, как понимал, все же исполнил свой долг, — вспоминал Бух. — В публике ходили слухи, что Вера Засулич скрывается в Зимнем дворце, у какой-то фрейлины. Из квартиры Веймара Вера Засулич благополучно была переброшена в квартиру Грибоедова» ⁷².

Об укрывательстве у Ореста Веймара в его роскошном доме на Невском и в убогой квартирке у Грибоедова писала сама Вера Засулич ⁷³, а также Фигнер ⁷⁴ и Фроленко ⁷⁵. Морозов вспоминал свою встречу с Засулич на квартире Грибоедова, по словам которого, «она очень простых привычек, и говорила, что большие комнаты его дома и роскошь мебелировки сильно стесняют ее. Она не в силах была там жить больше двух недель, несмотря на внимание самого Веймара. А у меня она чувствует себя просто» ⁷⁶, — уверял Грибоедов. Тихомиров в числе укрывателей называет А.И. Гольдсмита, редактора нескольких либеральных журналов, близкого к революционным кружкам ⁷⁷.

Евгений Корш, издававший газету «Северный вестник», опубликовал письмо Веры Засулич от 3 апреля, в котором она уверяла, что «готова была беспрекословно подчиниться приговору суда» в случае его законности и готова вновь предстать перед судом присяжных. Скрываться ей приходится только от бессудной административной расправы ⁷⁸. Номер газеты шел нарасхват, но за публикацию столь вызывающего письма преступницы издание закрыли. Короленко по этому поводу писал: «Газета шла плохо и приносила большие убытки. Вероятно, поэтому Корш рискнул и поместил письмо скрывавшейся

Засулич. Газету, конечно, закрыли, и я помню, с каким веселым видом издатель встретил известие о ее прекращении. Сама Засулич вскоре выехала вместе с Д.А. Клеменцем и А.И. Зунделевичем за границу, в Швейцарию ⁷⁹.

Смерть Сидорацкого. По поводу обстоятельства смерти Сидорацкого во время демонстрации у здания суда ни современники, ни историки не пришли к единому мнению. Свидетельства о его кончине весьма противоречивы и прямо противоположны. Радикалы были склонны считать, что его застрелили жандармы. А те, в свою очередь, уверяли, что молодой человек покончил жизнь самоубийством.

«Факт только в том, — утверждал Тихомиров, — что Сидорацкий, человек вообще шалый, нервный и экзальтированный, шел в толпе близ кареты в состоянии чрезвычайного возбуждения и имел при себе револьвер» ⁸⁰. С.Ф. Ковалик считал Сидорацкого «человеком с большими способностями, но несколько ненормальным» ⁸¹.

По «Заключению прокурора С.-Петербургской судебной палаты», «Григорий Сидорацкий застрелился на глазах у свидетелей». Первые два выстрелы произвел именно он и побежал с револьвером по проспекту, толпа перед ним расступалась, крича: «Вот, кто стрелял, держи его!» Но бежать было некуда, и он застрелился. Экспертиза показала: «Три пули, вынутые из каски, руки Рафаиловой и черепа Сидорацкого, оказались схожими между собой и с десятью зарядами, взятыми из кармана его пальто» ⁸². Показания ряда очевидцев также указывают на самоубийство. К тому же «все заряды, выданные нижним чинам жандармского дивизиона, были возвращены ими полностью по прибытии в казармы» ⁸³. По словам очевидцев, свидетельствовавших о самоубийце, «Сидорацкий отбежал от толпы, в крайнем возбуждении к тротуару и тут приложил пистолет к голове и застрелился» ⁸⁴. Жандармская «Хроника» констатировала: «Григорий Сидорацкий, виновник первых двух выстрелов, третий — произвел в себя; опасаясь быть арестованным на месте, он предпочел внезапное самоубийство перед толпой своих единомышленников» ⁸⁵. В полицейском следственном деле «Об уличных беспорядках 31 марта 1878 г.» есть показания поденного рабочего С. Владимиров, утверждавшего, что сам видел, как застрелился Сидорацкий ⁸⁶.

Николай Бух записал в воспоминаниях: «Думая, что он убил курсистку, Сидорацкий застрелился» ⁸⁷. Вера Засулич была уверена, что «не жандармы его застрелили, а что он сам покончил собой» ⁸⁸. Тихомиров, пытавшийся разобраться в этой истории, тоже склонялся к версии самоубийства. «Ни Клеменс, ни Михайлов, — писал он, — не могли мне объяснить толком этого дела» ⁸⁹.

Тюремный доктор Герценштейн засвидетельствовал, что на месте гибели юноши «большинство говорило: “Сидорацкий застрелился”. Как врач и знакомый, я поспешил к тому месту, где он находился. По Воскресенскому проспекту, дом № 11, где находится аптека и имеет по фасаду выступ, так что у наружной стены образуется угол. Вот в этом углу, плотно прислоняясь к стене, сидел на тротуаре Сидорацкий. Он был мертв. Сколько я теперь припоминаю, рана у него была в левом виске. Тут же на тротуаре, около покойника, валялся револьвер. Нужно еще иметь в виду, что встреча жандармов с толпой произошла несколько дальше, впереди от Сидорацкого, так что пос-

ледный находился теперь позади нее. Опять повторяю: общий голос тех из толпы, с кем я говорил, согласно утверждает, что он застрелился в экзальтации. Версия, что его застрелили жандармы, явилась после. Отношение же всех, в том числе и так называемого общества к жандармам и начальству было таково, что усвоили именно эту последнюю версию, как наиболее естественную и правдоподобную, и я никогда позже не слыхал ни возражений, ни сомнений, ни других объяснений. Хотя правительственное разъяснение и сообщало о самоубийстве Сидорацкого, но это, конечно, по господствующему у нас доверию к такого рода сообщениям, служило для общества лучшим доказательством, что его убили жандармы. Между тем на этот раз оно, кажется, говорило правду»⁹⁰.

Короленко в «Истории моего современника» отмечал: «Сначала все были уверены в Петербурге, что Сидорацкий был убит выстрелом жандарма, но впоследствии явились большие сомнения. Один мой знакомый рассказывал мне, что он был очевидцем, как во время демонстрации и вызванной ею суматохи какой-то молодой человек выбежал на тротуар в нескольких шагах от него, приложил револьвер к виску и выстрелил. Других убитых не было, значит это и был Сидорацкий. Говорили, будто, когда жандармы остановили карету, Сидорацкий выстрелил в них, но так неудачно, что легко ранил кого-то в карете или на козлах. Кто-то крикнул, что ранена Засулич, и это было причиной самоубийства»⁹¹.

О факте самоубийства писали в газетах «Правительственный вестник», «Биржевые ведомости» и «Северный вестник». Позднее версию о самоубийстве поддерживал историк Глинский⁹², в наше время — Ю.М. Сокольский⁹³.

Но были и противоположные утверждения. Подпольная газета «Начало» поместила следующий репортаж беллетриста-народника П.В. Засодимского⁹⁴: «Полицейские и пешие жандармы бросаются на безоружный, беззащитный народ, оттесняют его от кареты и начинают бить... Один юноша, по фамилии Сидорацкий, особенно восторженно приветствовал Засулич и особенно боялся, как бы ее не украли полицейские... В свалке ему разом попало несколько ударов, два из них пришлось ему по лицу. Защищаясь и не помня себя от волнения, юноша выхватывает револьвер и дрожащею рукою стреляет наугад. Одна пуля его попадает в какую-то женщину, другая — в каску жандарма. После небольшой паузы стреляют уже в него и убивают наповал. Очевидно стреляла рука более меткая и на очень близком расстоянии. Много глаз видело, как в момент сумятицы, последовавшей за выстрелом Сидорацкого, жандармы выхватили из кабур свои револьверы... Вскоре после выстрела, положившего Сидорацкого, две пары глаз видели также ясно, как читающий видит эти строки, как городской к трупу Сидорацкого подбросил револьвер»⁹⁵. Присяжный поверенный Корш «заявил, что он видел, как жандарм вынимал из чехла пистолет и полагает, что стреляли жандармы, а не сопровождавшие Засулич»⁹⁶.

А.И. Эртель, тогда еще начинающий писатель, запечатлел такую сцену на месте трагического происшествия: Около трупа стоял городской. «“Да ишь, застрелился какой-то”, сказал он. Но тут одна барышня со слезами на глазах, сильно взволнованная, дрожащим голо-

сом воскликнула: «Да не верьте вы им! Я сама видела...» «Да, да! — подхватили другие. — Кому же придет охота стреляться в толпе, как будто для этого не нашлось бы другого места?» Городовой молча отошел в сторону»⁹⁷.

В землевольческой прокламации говорилось без обиняков: Людей «били и мяли лошадьми, не пощадили даже беременных женщин... Результатом свалки оказался один убитый и двое раненых... В первый раз после 14 декабря 1825 г. петербургские улицы орошаются кровью борцов за свободу!»⁹⁸ Заграничный журнал «Община» также обвинял власти в смерти студента Григория Сидорацкого⁹⁹.

Утверждение об убийстве Сидорацкого стало распространенным в антиправительственных кругах. Ходили упорные слухи, что именно «слуги царской власти с досады расправились с молодым человеком»¹⁰⁰. Превалировало это мнение среди учащейся молодежи. На сходке в Медико-Хирургической академии участники демонстрации на Шпалерной утверждали, что сами видели, как жандармы стреляли в толпу, и жертвой стал Сидорацкий¹⁰¹.

Ольга Любатович в мемуарах считала Сидорацкого «искупительной жертвой»¹⁰². Фигнер уверяла, что «юноша был убит полицией»¹⁰³. Также полагал и Серебряков¹⁰⁴.

Между тем, были и не столь категоричные суждения, допускавшие паллиативу. Голоушев резюмировал: «Застрелил ли юношу бежавший за ним жандарм, или застрелился Сидорацкий сам, достигнутый жандармом, в которого он стрелял — это так и осталось невыясненным... Да и не все это было равно. Факт остается фактом. Сидорацкий был мертв и погиб, защищая Засулич»¹⁰⁵. Тихомиров констатировал: «Кто его убил? Не знаю, кажется, сам застрелился. С какой целью? Господь его ведает. Может быть, действительно, как говорили, для того, чтобы толпа обвинила в этом жандармов, как и случилось»¹⁰⁶.

Отношение к смерти Сидорацкого показательно: и та и другая сторона стремилась использовать гибель молодого человека в своих политических интересах, возлагая вину на своих противников.

Резонанс в обществе: оправдание террористки. На следующий день, 1 апреля, весть об оправдании террористки, покушавшейся на генерал-губернатора, разнеслась по всему Петербургу. Простым горожанам известие показалось столь невероятным, что некоторые сочли его за первоапрельскую шутку¹⁰⁷. Впечатление от вердикта присяжных было по своей неожиданности еще сильнее, чем от самого покушения.

Столичная публика восприняла судебное решение благожелательно, но отнюдь не вся и не безоговорочно, настаивать на всеобщем восторге — «значит переоценивать степень оппозиционности средних слоев петербургского населения, упрощать действительность и, таким образом, повторять ошибку революционеров 1878 года»¹⁰⁸, — справедливо полагал историк Негретов.

Признание Засулич невиновной вызвало крайнее возмущение в консервативных кругах, но получило бурное одобрение в либеральных. По дневниковому свидетельству Милютина, «вся публика разделилась на два лагеря: весьма многие¹⁰⁹, если не большинство, пришли в восторг от оправдательного решения суда; другие же скорбели

о подобном направлении общественного мнения. Всякое подобное дело возбуждает в обществе толки и протесты с одной стороны против нового нашего судопроизводства и в особенности против института присяжных, а с другой стороны против произвола и самодурства административных властей»¹¹⁰.

Широкий и многослойный диапазон общественных мнений сказался в анонимных письмах к Александру II и в III Отделение¹¹¹. Открыто выражать свое мнение перед лицом имперской власти было небезопасно, потому корреспонденты считали за благо не подписываться.

В ряде безымянных посланий выражалось искреннее негодование «злокозненной преступницей» и ее освобождением, а также осуждалась недопустимая и непонятная слабость правительства. Секретный агент доносил из Москвы, что «многие указывают на несостоятельность прокуратуры, на разнузданность защиты при слабости председателей, не умеющих руководить прениями, и на недостаточную подготовку народа к непогрешимому выполнению задач суда присяжных»¹¹². Встречались требования «заслуженного суда» и над самим Кони. А графа Палена предлагали отправить на виселицу. Многочисленные нарекания выпали на долю присяжных, «один лишь ленивый не бросал в них не только камнями, но, по выражению автора “Былого и дум”, даже целой мостовой»¹¹³, — писал Кони.

Однако другие анонимы одобряли и поощряли «помилование преступницы» и слали проклятия Трепову, а заодно поименно другим «слугам беззаконной власти». В секретном сообщении Нижегородского жандармского управления с тревогой отмечалось, что «исход дела произвел весьма вредное впечатление на толпу в нравственном отношении»¹¹⁴.

Известия о результате процесса, как только они распространились в Москве и провинции, возбудили, по оценке жандармов, «общее негодование среди патриотов и верноподданных»¹¹⁵. У благомыслящих подданных оправдание «нигилистки и преступницы» вызвало резкое недовольство и недоумение, как вообще такое могло произойти. «Многие были возмущены отрицанием виновности подсудимой при наличии факта преступления и сознания в нем»¹¹⁶.

М.Н. Катков, апологет единения самодержавия и народа, не мог понять, как, впрочем, и Валуев¹¹⁷, по каким таким соображениям присяжные могли выпустить на свободу явную уголовницу. В «Московских ведомостях» Катков утверждал: «Обвинительный акт не допускает сомнения в факте преступления. Какие бы не были мотивы — дело на лицо. Было совершено преднамеренное, издалека подготовленное покушение на убийство. Произведен был выстрел в высшее административное лицо». Потому судебное постановление — «ошибка; ничего общего с русским народом этот возмутительный и нелепый случай не имеет»¹¹⁸. Катков саркастически именовал процесс Засулич «делом Петербургского градоначальника Трепова, судившегося по обвинению в наказании арестанта Боголюбова»¹¹⁹.

Искушенный правовед Победоносцев поучал наследника-цесаревича по поводу судебного разбирательства и всеобщего порицания Трепова: «Нечего говорить об его недостатках и нравственных качествах: это — вопрос в настоящем случае посторонний»¹²⁰. «Дело Тре-

пова было делом самого правительства и потому оно должно было отстоять Трепова во что бы то ни стало»¹²¹.

По единодушному мнению охранительного лагеря, судебные органы должны были стать на защиту поколебленного авторитета высшего чина, близкого к особе императора, ибо «сегодня Трепов, а завтра кто-нибудь повыше», а там и еще повыше, ведь «кто богу не грешен, царю не виноват»¹²². В правительственных сферах забили тревогу: общество начало выходить из пассивного состояния. В рукоплесканиях оправдательному приговору проглядывало порицание незаконных действий видного сановника, а вслед за ним и всей предрержавшей власти.

Князь В.П. Мещерский, спустя многие годы, писал с неутихшей раздраженностью: «Торжественное оправдание Веры Засулич происходило как будто в ужасном кошмарическом сне... Никто не мог понять, как могло состояться в зале самодержавной империи страшное глумление над государственными высшими слугами и столь наглое торжество крамолы; но в то же время в каком-то летаргическом оцепенении все молчали, и никто не смел громко протестовать... Так, промеж себя некоторые русские люди говорили, что если бы, в ответ на такое прямо революционное проявление правосудия, государь своею властью кассировал решение суда и весь состав суда подверг изгнанию со службы и проявил бы эту строгость немедленно и всенародно, то вполне вероятно, развитие крамолы было бы сразу приостановлено»¹²³.

(Продолжение следует)

Примечания

1. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. В кн.: КОНИ А.Ф. Избранные произведения. Т. 2. М. 1959, с. 57—59.
2. Там же, с. 60.
3. ЧУДАКОВ М.Ф. Петр Акимович Александров. В кн.: Судебные речи. Минск. 2002.
4. БУХ Н.К. Воспоминания. М. 1928, с. 162.
5. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Мои встречи с В.И. Засулич. В кн.: Группа «Освобождение труда». 1925, с. 74—75.
6. БУХ Н.К. Ук. соч., с. 163.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1286, оп. 39, д. 248, л. 10—11.
8. Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. I. М. 1926, с. 120.
9. [ПЕРЕТЦ Е.А.] Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря (1880—1883). М.-Л. 1927, с. 49.
10. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Ук. соч., с. 75.
11. Там же, с. 75—76.
12. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Дело Веры Засулич. В кн.: Итоги (1862—1907). Киев. 1908, с. 430.
13. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 55.
14. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Ук. соч., с. 430—431.
15. Процесс Веры Засулич. Суд и после суда. СПб. 1906, с. 60—61, 63.
16. Об авторстве Клеменца см.: МИХАЙЛОВ А.Ф. Автобиография. В кн.: Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат. М. 1989, с. 148.
17. Прокламация «Земли и воли» «Покушение на жизнь Трепова». Январь 1878 г. В кн.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. 1876—1882 гг. М.-Л. 1965, с. 49.
18. МИХАЙЛОВ А.Ф. Ук. соч., с. 148.

19. Прокламация «Земли и воли» «13 июля и 24 января». В кн.: Историко-революционный сборник. Т. 2. Л. 1924, с. 332—333.
20. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Процесс первой русской террористки. — Голос минувшего. 1918, № 7—9, с. 151.
21. Процесс Веры Засулич. Суд и после суда, с. 48.
22. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Роковое пятилетие. 1878—1882 гг. (Из литературных воспоминаний). В кн.: ГРАДОВСКИЙ Г.К. Итоги, с. 12.
23. ЕГО ЖЕ. Дело Веры Засулич, с. 431.
24. Там же.
25. АЛЕКСАНДРОВ П.А. Судебная речь в защиту Веры Засулич. В кн.: Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864—1917 гг. Л. 1991, с. 293—294.
26. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 152.
27. АЛЕКСАНДРОВ П.А. Судебная речь в защиту Веры Засулич, с. 296.
28. Хроника социалистического движения в России. 1878—1887. Официальный отчет. М. 1906, с. 14.
29. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 153.
30. АЛЕКСАНДРОВ П.А. Судебная речь в защиту Веры Засулич, с. 305.
31. КАРАБАЧЕВСКИЙ Н.П. Около правосудия. СПб. 1908, с. 156.
32. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Ук. соч., с. 75—76.
33. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 59.
34. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 154.
35. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Роковое пятилетие. 1878—1882 гг., с. 19.
36. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 92.
37. ТИХОМИРОВ Л.А. Воспоминания. М. 2000, с. 96.
38. ВИКТОРОВА-ВАЛЬТЕР С.А. Московская радикальная молодежь 70—80 гг. (Из воспоминаний). 1906—1909 гг. В кн.: Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли». М.-СПб. 2012, с. 156.
39. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Дело Веры Засулич, с. 435.
40. Опубликовано анонимное письмо в III Отделение некоего «присяжного заседателя», уверявшего, что Засулич пришлось оправдать из-за боязни толпы около судебного здания: присяжные были бы «перебиты у самого порога суда». КУНКЛЬ А.А. Вокруг дела Веры Засулич. — Каторга и ссылка. 1928, № 1, с. 62. Источник крайне сомнительный. Во-первых, опасения анонима были напрасны, так как собиравшаяся публика никакой агрессивности не проявляла. Нет ни одного источникового свидетельства, что радикалы собирались физически расправиться с участниками судебного разбирательства в случае обвинительного приговора. Во-вторых, был ли этот аноним «присяжным заседателем» на процессе Засулич неизвестно.
41. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 60.
42. Там же, с. 105.
43. Там же, с. 93.
44. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 155.
45. Процесс Веры Засулич. Суд и после суда, с. 108.
46. Голос. 2.IV.1878, № 92.
47. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 109, д. 68, ч. 7, л. 143.
48. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 96.
49. ТАГАНЦЕВ Н.С. Пережитое. Пг. 1919, с. 44.
50. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 155.
51. Процесс Веры Засулич. Суд и после суда, с. 113; Из воспоминаний начальника Дома предварительного заключения Фёдорова. — Русская старина. 1905, № 1, с. 91.
52. ЗАСУЛИЧ В.И. Воспоминания. М. 1931, с. 72.
53. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Ук. соч., с. 76.
54. Из воспоминаний начальника Дома предварительного заключения Фёдорова, с. 92.
55. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Тридцать лет тому назад (Из воспоминаний доктора). — Былое. 1907, № 6, с. 255.
56. К делу В.И. Засулич. Прокламация «Ко всем честным людям». — Там же, с. 179.
57. РГИА, ф. 1405 (фонд Министерства юстиции), оп. 76, 1878 г., д. 7286, л. 102. Показания А.А. Головина. 6 апреля 1878 года.
58. Русский мир. 2.V.1878, № 87.
59. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 97.

60. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 157.
61. БУХ Н.К. Ук. соч., с. 164.
62. Бойня 31-го марта. — Начало. 1878, № 2, апрель. В кн.: Революционная журналистика семидесятых годов. Первое приложение к сборникам «Государственные преступления в России», издающимся под редакцией Б. БАЗИЛЕВСКОГО [В. БОГУЧАРМСКОГО]. Р. 1905, с. 57.
63. ФЕДОРЧЕНКО С. (ЧАРОВ И.). Вера Ивановна Засулич. Жизнь и деятельность. М. 1926, с. 51—52
64. К делу В.И. Засулич. Рапорт С.-Петербургского градоначальника генерал-майора А.А. Козлова министру внутренних дел А.Е. Тимашеву. 1 апреля 1878 года. — Голос минувшего. 1917, № 7—8, с. 169.
65. ТИХОМИРОВ Л.А. Ук. соч., с. 100.
66. Там же.
67. ЛЮБАТОВИЧ О.С. Далекое и недавнее. М. 1930, с. 37.
68. Северный вестник. 1.IV.1878, № 90.
69. КАРПОВ Е. В.И. Засулич накануне покушения. В кн.: Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли», с. 209.
70. БУХ Н.К. Ук. соч., с. 164.
71. ЗАСУЛИЧ В.И. Ук. соч., с. 73.
72. БУХ Н.К. Ук. соч., с. 164—165.
73. ЗАСУЛИЧ В.И. Ук. соч., с. 73—76.
74. РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1. д. 147, л. 240.
75. ФРОЛЕНКО М.Ф. Памяти отошедших. В кн.: ФРОЛЕНКО М.Ф. Собр. соч. Т. 2. М. 1932, с. 131.
76. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. М. 1965, с. 336—338.
77. ТИХОМИРОВ Л.А. Ук. соч., с. 100—101.
78. Северный вестник. 3.IV.1878, № 91.
79. ЗАСУЛИЧ В.И. Ук. соч., с. 77.
80. ТИХОМИРОВ Л.А. Ук. соч., с. 101.
81. КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов. М. 1928, с. 71.
82. О беспорядках, произведенных толпой молодежи, сопровождавшей Засулич после ее оправдания на суде. Заключение прокурора С.-Петербургской судебной палаты. — Каторга и ссылка. 1928, № 1, с. 60.
83. Там же.
84. ТИХОМИРОВ Л.А. Ук. соч., с. 101.
85. Хроника социалистического движения в России. 1878—1887 гг., с. 14.
86. РГИА, ф. 1405, оп. 76. 1878 г., д. 7286, л. 56—57.
87. БУХ Н.К. Ук. соч., с. 163.
88. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Ук. соч., с. 77.
89. ТИХОМИРОВ Л.А. Ук. соч., с. 101.
90. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 256.
91. КОРОЛЕНКО В.Г. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. М. 1954, с. 206.
92. ГЛИНСКИЙ Б.Б. Революционный период русской истории (1861—1881 гг.). Ч. II. СПб. 1913, с. 230—237.
93. СОКОЛЬСКИЙ Ю.М. Неожиданная смерть (Маленький справочник). СПб. 2012, с. 16.
94. Авторство Засодимского удостоверял Бух. См.: БУХ Н.К. Ук. соч., с. 165.
95. Бойня 31-го марта, с. 58—59.
96. Рапорт С.-Петербургского градоначальника генерал-майора А.А. Козлова министру внутренних дел А.Е. Тимашеву. 1.IV.1878, с. 170.
97. Письмо А.И. Эртеля об убийстве Сидорацкого 31 марта 1878 года. — Красный архив. 1926, № 1, с. 252.
98. Прокламация «Земли и воли» «К русскому обществу по поводу оправдания В.И. Засулич». Апрель 1878 г., с. 54—55.
99. Из С.-Петербурга. Оправдание Веры Засулич и убийство Сидорацкого. — Община. 1878, № 3—4.
100. РУСАНОВ Н.С. На родине. 1859—1882. М. 1931, с. 154.
101. МИХАЙЛОВ А.Ф. Ук. соч., с. 148; КУНКЛЬ А.А. Ук. соч., с. 65.
102. ЛЮБАТОВИЧ О.С. Ук. соч., с. 37.

103. ФИГНЕР В.Н. Александр Дмитриевич Михайлов. ФИГНЕР В.Н. Полн. собр. соч. Т. 5. М. 1932, с. 232.
104. СЕРЕБРЯКОВ Е.А. Очерк по истории «Земли и Воли». СПб. 1906, с. 34.
105. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 158.
106. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы. Либералы и террористы. М. 1890, с. 102.
107. РУСАНОВ Н.С. Ук. соч., с. 154.
108. НЕГРЕТОВ П.И. К спорам вокруг процесса Веры Засулич. — Вопросы истории. 1971, № 2, с. 188.
109. В дневнике Милютин зачеркнул первоначальную фразу: «даже большинство, и в том числе многие дамы высшего общества и сановники».
110. МИЛЮТИН Д.А. Дневник. 1876—1878. М. 2009, с. 406.
111. ГАРФ, ф. 109. 3 эксп. 1878 г., д. 68, ч. 1. О дворянке Вере Засулич, покушавшейся на жизнь генерал-адъютанта Трепова.
112. Там же, л. 95.
113. КОНИ А.Ф. Присяжные заседатели. В кн.: Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864—1917 гг. Л. 1991, с. 76.
114. ГАРФ, ф. 109. 3 эксп. 1878 г., д. 68, ч. 1, л. 118.
115. Хроника социалистического движения в России. 1878—1887 гг., с. 14.
116. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 104.
117. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Ук. соч., с. 8.
118. КАТКОВ М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1878 год. М. 1898, с. 154, 170.
119. Там же, с. 161.
120. Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. I. М. 1926, с. 117.
121. Там же, с. 119..
122. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 104.
123. МЕЩЕРСКИЙ В.Н. Мои воспоминания. Ч. 2 (1865—881). СПб. 1898, с. 404—405.

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

3

2015

804237

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3/2015 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

п 222
1427

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. 3

СТАТЬИ

К.С. Чернов — Политическая программа Александра I 1801—1812 г. 28

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А.Н. Нестеренко — Епископ Альберт 50

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Ю.А. Пелевин — Казус Засулич 69

СООБЩЕНИЯ

Л.Н. Лютов — Церковь и сопротивление раскрестьяниванию в начале 1930 г. 78

И.В. Объедков — Русская военная пропаганда в США в годы первой мировой войны 91

Выходит с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

Рос. национальная библиотека
С.-Петербург
03 20 15 акт 557

А.В. Кутищев — Культурно-цивилизационные аспекты
войн позднего феодализма 110

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

Ю.П. Бойко, В.А. Курбацкий — Место Косово во внеш-
ней политике Албании с конца XIX в. до начала 1990-х гг. 119

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

С.В. Куликов, Ф.А. Селезнёв — Нижегородский этап
карьеры А.Н. Хвостова (1910—1912 гг.) 129

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

С.В. Зяблицева, В.А. Цукров — Кузбасс — Донбасс:
хроника военных лет (1941—1945 гг.) 148

О.А. Горощенова — Сибирская писательница Е.А. Авде-
ева-Полевая 153

Х.Г. Магомедсалихов — Этнокультурный синергизм в
истории Салатавии 157

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

Д.С. Кидирниязов, Ю.М. Лысенко — Осетинская ду-
ховная комиссия на Северном Кавказе в XVIII — пер-
вой половине XIX в. 163

ИСТОРИОГРАФИЯ

В.А. Китаев — Революционная мысль в России XIX —
начала XX века. Энциклопедия 170

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Вопросы истории», 2015

Казус Засулич

Ю.А. Пелевин

Вместе с тем, в высших бюрократических сферах «были не прочь полиберальничать за обеденным столом и повздыхать о конституции за дымящеюся сигарою; готовы были молчаливо одобрительно выслушивать и даже поощрять самые низкие клеветы и сплетни про этого самого сановника (Трепова. — Ю.П.); с удовольствием шутили насчет “небесного” царя, а иногда насчет “земного”, и притом насчет последнего весьма злобно и грязно, но “публичное доказательство” недовольства и возможности критики казалось опасным и нетерпимым, — свидетельствовал Кони. — И вот те, кто называл Трепова “старым вором”, кто удивлялся, как может государь верить столицу этому “краснорожему фельдфебелю”, этой “полицейской ярыге”, как его называли некоторые, стали на его защиту и завопили о колебании правосудия и о том, что “если так пойдет, то надо бежать из России”»¹.

«В Английском клубе поднялась тревожная болтовня, и приговор над судом присяжных был подписан совокупностью сановных желудков, обладатели которых вдруг почувствовали себя солидарными с Треповым»².

При дворе признание Засулич невиновной было принято с большим неудовольствием. Впоследствии Перетц записал в дневнике: «Покойный император понял очень хорошо все промахи судебного ведомства по этому несчастному делу, послужившему сигналом для дальнейших покушений со стороны социалистов»³. Исправлять сложившуюся ситуацию правящие верхи попытались, как всегда, административными мерами помимо законодательных норм.

Пален, узнав о вердикте присяжных, который в соответствии с существующим судопроизводством не допускал повторного ареста подсудимой, немедленно испросил высочайшее повеление взять оправданную под стражу и «содержать в Доме предварительного заключения впредь до особого распоряжения»⁴. На следующий день приговор присяжного суда был опротестован, и полиция издала приказ о поимке Засулич. Но было уже поздно.

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2015. № 1—2.

Вечером того же 31 марта по велению царя было создано Совещательное присутствие министров или Особое совещание, как оно станет именоваться позднее. Совещательный орган создавался «ввиду постоянно усиливающегося социально-революционного движения» и «для изобретения средств к большому обеспечению государственной безопасности». Председателем совещания Александр II назначил министра имущества графа П.А. Валуева.

По журналу Особого совещания, главным предметом обсуждения стал казус Засулич. «Совещание прежде всего обратилось к уяснению причин тех прискорбных событий, которые в последнее время выразились оправдательным приговором присяжных заседателей по делу дворянки Засулич, уличными беспорядками и демонстрациями политического характера»⁵. Но высокопоставленные члены совещания впервые столкнулись со столь небывалым и непредвиденным волнением в обществе и не смогли выработать конкретных контрмер, потому что и у самого государя, видимо, не сложился в этот момент определенный план действий.

Между тем, прокурор Кессель подал в Правительствующий сенат мотивированный кассационный протест об отмене оправдательного приговора⁶, что Сенат и сделал, передав дело на рассмотрение в Новгородский окружной суд — подальше от возбужденной столицы. На таком решении, надо полагать, сказалось заявление министра внутренних дел Тимашева о нежелательности повторного процесса в Петербурге, так как министр не отвечал за обвинительный вердикт сменных присяжных заседателей, к тому же еще один суд над Засулич мог подать повод к новым беспорядкам.

Открытое неудовольствие заслужил председатель суда Кони. Сенатор П.А. Дейер потребовал, не больше не меньше, как предать его суду за неправоправное проведение процесса. Но предложение не прошло, как безосновательное⁷. Пален в личных объяснениях с Кони обвинял его в нарушениях законопроизводства и убеждал добровольно уйти в отставку. Кони не внял министру юстиции — действовавшие судебные уставы гарантировали несменяемость судей⁸. Плену самому пришлось 30 мая уйти с поста министра юстиции «за небрежное ведение дела Засулич»⁹.

Кони — юрист высочайшей квалификации и активный проводник судебной реформы после отмены крепостного права¹⁰ продемонстрировал на процессе беспристрастность и объективность, как и следовало каждому судье на его месте. Вместе с тем, он сыграл на процессе роль правозащитника, как это будет называться столетие позже.

В лабиринтах власти недостаточно, да и необязательно быть образованным, компетентным, честным, а надо быть благоверным исполнителем желаний высокого начальства. В этом и была вина Кони. На суде он отстаивал букву установленного закона, а следовало — самодержавный дух закона. Российское государство во все времена добивалось не правосудной истины, а утверждения своей власти в обществе, в том обществе, которое должно оставаться бесправным и безгласным.

На заседании Совета министров под председательством Александра II граф Пален отдал Кони на растерзание царским сановникам без малейшей попытки разъяснить роль председателя на суде присяж-

ных. Валуев доказывал, что ни кто иной, как Кони — главный и единственный виновник оправдания террористки, и что вообще судебные чины чрезвычайно распушены и проникнуты противоправительственным духом. Его поддержали все министры, за исключением Милютина, искавшего более глубокие причины казуса Засулич¹¹.

Для Кони началась недолгая опала. За ним закрепилась редчайшая репутация в русском обществе — судьи, не идущего ни на какие компромиссы с совестью. В либеральной среде заговорили о нем как о человеке, стоящем в оппозиции к самодержавию. Он действительно постоянно указывал «на глубокое общественное недовольство правительством», но никогда не одобрял революционных средств борьбы и тем более террора, потому несправедливо, как полагает публицист нашего времени, считать «Кони, фигурой знаковой в деле благословения будущего терроризма»¹².

Карьера председателя на суде Засулич сложилась более, чем успешно. В 1881 г. он стал председателем гражданского департамента Санкт-Петербургской судебной палаты; в 1885 г. — обер-прокурором уголовного кассационного департамента Сената (в то время высшая прокурорская должность). В 1891 г. был назначен сенатором. В 1900 г. его избрали почетным членом Академии наук, в 1907 г. Николай II ввел Кони в Государственный совет с оставлением звания сенатора.

Либеральной и околлиберальной общественностью судебное оправдание Засулич было встречено с полным одобрением. Жандармская хроника отмечала: «Передовые идеи, симпатии к деятельности и личностям арестованных и осужденных по политическим делам пустили глубокие корни даже в интеллигентном и просвещенном столичном обществе»¹³.

«В огромной части образованного общества это оправдание приветствовалось горячим образом — свидетельствовал тот же Кони. — В нем видели урок, предостережение; близорукие любители сравнений говорили уже не только о русской Шарлотте Корде, но и о “взятии Бастилии”... Чувствовалось, что приговор присяжных есть гласное, торжественное выражение негодования по поводу административных насилий, и большинство только с этой точки зрения его и рассматривало, окрашивая деятельность суда в политический колорит». «Приговор присяжных, быть может, и не правилен юридически... но в нем звучит голос житейской правды; общество ему не могло отказать в сочувствии»¹⁴.

По категоричному заявлению Веры Фигнер, «все вздохнули свободно: до такой степени ее дело отвечало общему настроению, и было общим делом. Со всех концов России сыпались поздравительные телеграммы защитнику Засулич, присяжному поверенному Александрову, и общей радости не было конца»¹⁵.

Целый ряд газет, почувствовав брешь в цензурной стене, взяли явный либеральный тон в освещении столичных событий. Создавалось впечатление, что цензура «растерялась и ослабла, что преграды ослабли, а общественное мнение прорвалось»¹⁶.

В газетных передовицах решение присяжных рассматривалось как голос общественной совести, осуждавшей явные нарушения закона должностными лицами, и не нашлось слов осуждения той, которая заявила протест столь экстремистским способом. В газетах то и дело

появлялись открытые панегирики оправдательному суду, а порой и прямые похвалы «героическому поступку Веры Засулич»¹⁷.

«Голос» (издатель-редактор А.А. Краевский) и даже «Новое Время» (издатель-редактор А.С. Суворин) после некоторых колебаний заговорили с гражданским пафосом о правомерности суда присяжных, равенстве всех перед законом и справедливости вердикта по процессу Засулич. Как вспоминал Русанов, печатные издания «вели себя очень прилично, во всяком случае, гораздо приличнее, чем то было в других соответствующих случаях»¹⁸. По оценке радикалов в нелегальной листовке, «даже самые подлые газеты — и те увлеклись общим движением и печатали такие статьи, под которыми мог бы подписаться довольно честный человек»¹⁹.

2 апреля «Голос» опубликовал наделавший много шума очерк Градовского о деле Засулич. Возбужденный либеральный публицист увидел в судебном разбирательстве те политические тенденции, которые отсутствовали на процессе, но которые хотела видеть либеральная публика. «Мне чудится, что это не ее, а меня, всех нас — общество — судят! Мне кажется, что эти свидетели обвинения уличают нас, что прокурорская речь представляет слабую, из приличия только предпринятую попытку оправдать нас перед этим судом, а жгучее слово защиты, удар за ударом, как молот по наковальне, разбивает наши надежды на оправдание»²⁰. Никакую наковальню защитник Александров в судебный зал не привносил и обличительным молотом по ней не ударял. Он выбивал слезу у публики и делал это изо щренно. Либералы и многие «лица сомнительной политической благонадежности» с большим удовлетворением восприняли газетный демарш Градовского. Его и Александрова на всякий случай выслали временно из имперской столицы.

Прижизненный классик И.С. Тургенев из своего заграничного далека откликнулся стихотворением в прозе «Порог», написанным в мае 1878 года. Перед высоким порогом, явно символизирующим начало революционной борьбы, стоит девушка, готовая на голод, тюрьму, смерть, а также на одиночество, презрение, безвестность. «Войди!» Девушка переступает порог. Вслед откуда-то снизу несется: «Дура!», но сверху раздается «Святая!» Все-таки «Святая!» прозвучало сверху²¹. Тургенев переложил в художественной форме содержание нелегальной землевольческой листовки «Покушение на жизнь Трепова»²², что весьма симптоматично: писатель всегда старался уловить передовые веяния своего времени.

Одобрение теракта и осуждение царского правительства проходили на фоне неудач в русско-турецкой войне. Восторженно-патриотические настроения сменились разочарованием: война стоила громадных человеческих жертв и закончилась дипломатическим поражением на Берлинском конгрессе. Известно, что на докладе царю глава русской делегации канцлер Горчаков написал: «Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере». Александр II сделал помету: «И в моей тоже»²³.

Славянофил Иван Аксаков произнес в июне 1878 г. в московском Славянском комитете речь по поводу позорного Берлинского трактата, за что его выслали из Москвы, а комитет закрыли. Обще-

ство, раздраженное бесславным походом «за освобождение славян», было болезненно напряжено и ожидало перемен.

Свободомыслие петербургских газет вызывало недовольство в правительственных сферах. Председатель Комитета министров граф Валуев негодовал в дневнике на «разнузданность» газет, которая свидетельствует об отсутствии «правительствующего правительства». Осмелевший вельможа даже заявил Александру II: «Остается по выходе из дворца идти купить револьвер для своей защиты»²⁴. Все это были явные преувеличения и напрасные опасения царедворца.

Тимашев в докладе царю обращал внимание, что «вследствие судебного решения по делу Веры Засулич почти все ежедневные петербургские газеты приняли по отношению к правительству враждебный и вызывающий тон, который не может быть терпим без самых вредных последствий для общественного спокойствия»²⁵. «Русскому Обозрению» и «Северному Вестнику» запретили розничную продажу. «Голосу» и «Русскому миру» были сделаны предупреждения. Как известно, после третьего предупреждения издание могло быть приостановлено на полгода или вовсе закрыто. Краевский поторопился ослабить в «Голосе» либеральное звучание и «стал бормотать что-то не особенно вразумительное»²⁶.

В конце концов, цензурное ведомство запретило обсуждать в печати дело Засулич. «Дальнейшие разъяснения этого важного процесса, — констатировал Градовский, — были невозможны; всякое обсуждение его было прервано, взамен раздавались дикие завывания реакции против суда, против присяжных и адвокатуры, против общества и печати. Меня объявили подстрекателем политических убийств и приглашали покарать «судом народным», расправой рынка, правосудием Охотного ряда... Вся остальная печать обречена была на молчание»²⁷.

Зато заграничная пресса не собиралась молчать. Казус Засулич вызвал на Западе громкий резонанс. Газеты Франции, Германии, Англии, США, Италии и других стран дали подробную информацию о процессе. Во всех сообщениях вместе с подсудимой Засулич неизменно упоминался адвокат Александров и председательствовавший на процессе Кони.

Тургенев увидел в процессе «знамение времени», которое «взбудоражило решительно всю Европу»²⁸. «Дело это произвело глубокое впечатление по всей Европе, — засвидетельствовал в мемуарах Кропоткин. — Я был в Париже, когда получилось известие об оправдательном приговоре. Мне пришлось в этот день зайти по делам в несколько редакций. Всюду редакторы дышали энтузиазмом и писали энергичные передовые статьи, прославлявшие девушку. Даже серьезная «Revue des Deux Mondes» в годичном обзоре писала, что больше всего на общественное мнение Европы в 1878 г. произвели впечатлительные два лица: князь Горчаков во время Берлинского конгресса и Вера Засулич. Портреты их были помещены во многих альманахах и календарях. Что же касается европейских рабочих, то самоотверженность Веры Засулич произвела на них чрезвычайно глубокое впечатление»²⁹. Влиятельный французский ежемесячник восторженно писал об оправданной террористке: «В несколько мгновений она стала знаменитостью... В течение 48 часов Европа забыла о войне и мире, о

Бисмарке, Биконсфильде и Горчакове, чтобы заняться только Верой Засулич и ее удивительным процессом»³⁰.

Особый вклад в расширение популярности Засулич внесла западноевропейская творческая интеллигенция. Образ бесстрашной революционерки воплотился в ряде художественных произведений. Английский писатель и драматург О. Уайльд написал мелодраматическую пьесу «Вера, или нигилисты». Французский драматург В. Сарду выпустил драму «Федора», на основе которой итальянский композитор У. Джордано создал одноименную оперу, где партию народовольца исполнял знаменитый Э. Карузо. Никакой исторической достоверности, разумеется, в этих произведениях не было.

Среди российских радикалов оправдание Засулич было воспринято как обвинение не только отдельным высшим чиновникам, а всему самодержавию, как победа общества над царистским всевластием.

В день суда «выборные общественные судьи впервые явно отвернулись от целой правительственной системы»³¹, — полагал земледелец О.В. Аптекман. В листовке «К русскому обществу», написанной Плехановым, делался далеко идущий вывод: «31 марта 1878 г. для России начался пролог той великой исторической драмы, которая называется судом народа над правительством, ... в этот день разрыв русского общества с правительством выразился *de facto* в здании окружного суда»³². В другой прокламации утверждалось: «Оправдывая Засулич, представители общественного суда обвинили всю систему, на которую Засулич так самоотверженно подняла свою руку»³³.

В нелегальной газете «Начало» говорилось: «Засулич была оправдана. В лице ее был обвинен Трепов... не один Трепов, с ним вместе были пригвождены к позорному столбу и вся администрация, вся система правления, все внутренние порядки императорской России. Правительство совершенно неожиданно получило щелчок — и презрядный. Правительство было поражено и огорчено страшно. Оправдательный приговор Засулич обратился в обвинительный приговор, произнесенный над правительством от лица русского общества устами 12 присяжных. Оно так же, как и мы, поняло очень хорошо, что присяжные, оправдывая Засулич, обвиняли его. Вот почему правительство так близко приняло к сердцу этот приговор. Тут вопрос был поставлен ребром. Дело шло о порицании его, об оценке его деятельности... К довершению эффекта, изящная, элегантная публика, которая без перчаток даже лба не перекрестит, собравшаяся на этот раз в залу суда, громко аплодировала приговору. Удивительно еще, как правительство не задохлось от бессильной злобы»³⁴.

Теракт Засулич, воспринимался радикальной молодежью как «выстрел героической, честной русской девушки»³⁵, как подвиг, который вызывал воодушевление и подъем боевого духа. В ней видели национальную героиню³⁶, «жрицу правой мести»³⁷ и «общественную совесть»³⁸. «Русская девушка на свой страх и риск, — утверждал Аптекман, — решила отмстить за попранное насильником человеческое достоинство, за поруганную честь партии. ... Великий индивидуальный акт благородного гнева нашел свою высшую санкцию в общественной совести»³⁹.

В подпольных прокламациях землеvolьцы воздавали террористке возвышенную хвалу: «Страшен и велик твой подвиг, и немногие

могут вместить его, но слава русскому народу, что в нем нашлась хоть ты одна, способная на такой поступок»⁴⁰. «С светлым и радостным чувством останутся будущие поколения на твоём имени, бесстрашная девушка»⁴¹, «потомство причислит твоё имя к числу немногих светлых имён мучеников за свободу и права человека»⁴².

Сергей Кравчинский опубликовал в женевском журнале «Община» статью, где прославлял Засулич, как «гордость человечества»: «Героиня! Для тебя пишу я эти строки! Весь мир гремит славою твоего подвига. Имя твоё с благоговением повторяется во всех концах земли и будет повторяться из рода в род... Отдалённое потомство, разбив свои оковы, свободное, счастливое, тебе воспоёт свою хвалебную песню, потому что в ряду тех подвигов, которыми куплено будет его счастье, твой один из величайших». Для Кравчинского день оправдания Засулич — дата гибели царизма: «Русское самодержавие убито; 31 марта было последним днём его существования»⁴³.

Среди учащейся молодежи популярность террористики стала чуть ли не всеобщей. В высших учебных заведениях проводились сходки в её поддержку и собирались деньги «для Верочки»⁴⁴. Молодежь приобретала фотопортреты Засулич. «Дайте, дайте мне фотографию Веры Ивановны, — просил своих друзей юный гардемарин Иван Ювачев, будущий народоволец, — я повешу её в своей комнате вместо иконы!»⁴⁵ Видимо, широкое распространение получили пересъёмки фотографий из светского салона госпожи Пален, супруги министра юстиции.

Александр Михайлов, никогда публично не выступавший, единственный раз сделал исключение. Об этом случае рассказывал в мемуарах Лев Тихомиров. На студенческом балу «Михайлов взгромоздился на стул с бокалом вина и кричит: “Господа, господа, внимание!” Стали оборачиваться в его сторону. Шум разговора немного стих, и Михайлов, заикаясь (он был заика), но развязно и горячо начал краткую речь о русском произволе, о героической женщине, которая ценой жизни (или что-то в этом роде) решилась наказать надругательство над человеческой личностью, и в заключение провозгласил тост: “За здоровье Веры Ивановны Засулич!” Публика слушала, но что касается тоста, то его поддержали, нужно сказать, немногие. Все-таки боязно ещё было. Ведь на этих балах даже обязательно и явно присутствовала полиция, не говоря уже о тайной полиции»⁴⁶. Но время было такое, что все сходило с рук.

В радикальной среде «благодарность и поклонение перед этой героической девушкой были беспредельны, — вспоминала Плеханова-Боград. — Мы считали её счастливейшим человеком в мире, и каждый из нас желал бы быть на её месте»⁴⁷. Позднее нашлась подражательница деянию Веры Засулич. 24 мая 1879 г. польская дворянка Людвиг Гильберт, страдавшая психическими отклонениями, явилась в дом к петербургскому генерал-губернатору И.В. Гурко и добровольно сдалась охране. Она заявила, что собиралась совершить покушение на генерала, но не в силах исполнить акцию. На её квартире нашли фотографии Засулич и несколько листовок журнала «Земля и воля». Бедную женщину поместили в городской приют для призрения душевнобольных, а впоследствии выслали на родину в Вильно⁴⁸.

(Продолжение следует)

Примечания

1. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. В кн.: КОНИ А.Ф. Избранные произведения. Т. 2. М. 1959, с. 60.
2. Там же, с. 106.
3. [ПЕРЕТЦ Е.А.] Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря (1880—1883). М.—Л. 1927, с. 49—50.
4. Финал дела Веры Засулич (По неопубликованным материалам). — Красная летопись. 1926, № 2, с. 142; ГЛИНСКИЙ Б.Б. Революционный период русской истории (1861—1881 гг.). Исторические очерки, ч. II, с. 237.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 109, оп. 163, д. 502, т. 1, л. 1—2, 245—246.
6. Финал дела Веры Засулич, с. 142—145.
7. ГАРФ, ф. 109, 3 эксп. 1878 г., д. 68, ч. 1, л. 212.
8. ЗАЙЧКОВСКИЙ П.С. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М. 1964, с. 59.
9. [ПЕРЕТЦ Е.А.] Ук. соч., с. 50.
10. СМОЛЯРЧУК В.И. Анатолий Федорович Кони (1844—1927). М. 1982; ВЫСОЦКИЙ С.А. Кони. М. 1988.
11. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 115.
12. НОСОВ Ю. Еще раз о деле Засулич и либеральном обществе. Как благословили терроризм. — Наука и жизнь. 2006, № 12, с. 40.
13. Хроника социалистического движения в России. 1878—1887 гг. Официальный отчет. М. 1906, с. 14.
14. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 103.
15. ФИГНЕР В.Н. Александр Дмитриевич Михайлов. ФИГНЕР В.Н. Полн. собр. соч. в семи томах. Т. 5. М. 1932, с. 232.
16. КОРОЛЕНКО В.Г. История моего современника. В кн.: КОРОЛЕНКО В.Г. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. М. 1954, с. 207.
17. Там же, с. 208.
18. РУСАНОВ Н.С. На родине, 1859—1882. М. 1931, с. 154.
19. К делу В.И. Засулич. Прокламация «Ко всем честным людям», с. 179.
20. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Дело Веры Засулич. В кн.: Итоги (1862—1907). Киев. 1908, с. 430.
21. ТУРГЕНЕВ И.С. Полн. собр. соч. Т. 10. М. 1982, с. 147—148.
22. Прокламация «Земли и воли» «Покушение на жизнь Трепова». Январь 1878 г., с. 49—50.
23. ЧЕРНОВ С.Л. Россия на завершающем этапе Восточного кризиса. 1875—1878 гг. М. 1984, с. 116.
24. ВАЛУЕВ П.А. Дневник. 1877—1884. Пг. 1919, с. 26.
25. Цитируется по: ЛЮБИМОВ С. Предисловие. Письмо А.И. Эртеля об убийстве Сидорацкого 31 марта 1878 г. — Красный архив. 1926, № 1, с. 250.
26. РУСАНОВ Н.С. Ук. соч., с. 154.
27. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Роковое пятилетие. 1878—1882 гг. Итоги, с. 9.
28. Из Парижского архива И.С. Тургенева. Литературное наследство. Т. 72. Ч. 2. М. 1963, с. 40.
29. КРОПОТКИН П.А. Записки революционера. М. 1990, с. 394.
30. VAUBEET. Le procès de Vera Zassoulitch. — Revue des Deux Mondes. 27.V.1878, p. 216.
31. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пг. 1924, с. 326.
32. Прокламация «Земли и воли» «К русскому обществу» по поводу оправдания В. И. Засулич. Апрель 1878 г. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. 1876—1882 гг. М.—Л. 1965, с. 53—54.
33. К делу В.И. Засулич. Прокламация «Ко всем честным людям», с. 178.
34. Бойня 31-го марта, с. 57.
35. «Два заседания Комитета министров» по поводу правительственных мероприятий в связи с оправданием В.И. Засулич. Брошюра «Земли и воли». Не ранее 8 апреля 1878 г. Революционное народничество 70-х годов XIX века, т. II, с. 58.
36. Прокламация «Земли и воли» «Покушение на жизнь Трепова», с. 48.

37. 24 января 1878 г. Посвящается Вере Ивановне Засулич. — Начало. 1878. № 2, апрель.
38. Прокламация «Земли и воли» «К русскому обществу» по поводу оправдания В.И. Засулич. Апрель 1878 г., с. 54.
39. АПТЕКМАН О.В. Ук. соч., с. 326.
40. Прокламация «Земли и воли» «Покушение на жизнь Трепова», с. 49.
41. Прокламация «Земли и воли» «13 июля и 24 января». Историко-революционный сборник. Т. 2. Л. 1924, с. 331.
42. Там же, с. 49—50.
43. КРАВЧИНСКИЙ С. Женева. 25-го Апреля. — Община. 1878, № 3—4.
44. ГАРФ, ф. 109, 3 эксп. 1878 г., д. 68, ч. 1, л. 85—86, 112.
45. ЮВАЧЕВ И.П. Воспоминания народовольца. — Морской сборник. 1927, № 10, с. 75.
46. ТИХОМИРОВ Л.А. Воспоминания. М. 2000, с. 87—98.
47. ПЛЕХАНОВ Г.В. Страница из воспоминаний о В.И. Засулич, с. 83.
48. ГВОЗДЕВ М.Г. «Красный террор» против Санкт-Петербургского временного военного генерал-губернатора И.В. Гурко. — Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009, №1, с. 125—126. Автор статьи напрасно приписывает этот эпизод Исполнительному комитету «Народной воли», который в это время еще не существовал. Гильберт не принадлежала ни к какому террористическому сообществу. Другой уважаемый автор, ссылаясь на предыдущего, сделал обобщающий вывод: «Вообще, уровень квалификации и подготовки террористов, в том числе и психологической, являлся одним из самых уязвимых мест народнического террора, что и было причиной провала большинства акций» (КВАСОВ О.Н. Российский терроризм второй половины XIX века: народнический аспект. В кн.: Воронеж народниковедческий: Сборник статей. Воронеж. 2012, с. 38).

ISSN 0042-8779

ИВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

4

2015

820384

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/2015 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

22
1427

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. 3

СТАТЬИ

С.В. Рыбаков — О смысловой структуре понятия «история» 18

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В.В. Вяткин — Иван Иванович Мелиссино 26

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Ю.А. Пелевин — Казус Засулич 41

ПУБЛИКАЦИИ

Мировая война глазами поручика. Публикацию подготовил Л. Степаненко 62

СООБЩЕНИЯ

И.В. Чемоданов — Вятское крестьянство в годы первой мировой войны 74

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛМ

РОС. НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
С.-Петербург
08 20 15 экз 826

А.А. Чирков — Военные комиссии в Государственной думе III и IV созывов	89
А.В. Гринёв — Классификация кораблей Российско-американской компании (1799—1867 гг.).....	108

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

Т. Наджафли — Взаимоотношения Азербайджанского государства Сефевидов с Россией в XVI—XVII вв.	122
---	-----

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Г.Л. Арш — К вопросу об оценке Ламброса Кацониса в историографии	137
---	-----

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Р.Ю. Почекаев — А.И. Бутаков и Аральская флотилия в конце 1840-х — начале 1860-х гг.	142
--	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

П.Н. Гордеев — Революционная цензура на сцене государственных театров в 1917 году	151
И.В. Ковтун — Открытие каменного угля в Кузбассе в 1720-х гг.	160
Ф.А. Озова — Роль института аманатства в черкесско-русских отношениях в 1552—1864 гг.	166

ИСТОРИОГРАФИЯ

И.Н. Гребенкин — Первая мировая: взгляд из окопа	172
Ю.Е. Ивонин — Утрехт-Раштатт-Баден 1712—1714. Работа по заключению европейского мира в конце века Людовика XIV	174

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Казус Засулич

Ю.А. Пелевин

Демонстрация-панихида. После беспрецедентного суда присяжных накал общественного недовольства усиливался. Для интеллигентских образованных кругов в казусе Засулич проявились язвы русской жизни: с одной стороны, бюрократическое управление и произвол сопричастников царской власти, а с другой, — бесправие и безгласность подданных российской империи. Стала очевидна недовершенность преобразований Александра II.

В день оправдания Засулич, по убеждению Аптекмана, «русское общество впервые показало, что оно может не бояться открыто заявлять свои желания и симпатии»¹. В подпольной прокламации говорилось, что происходит «только начало, только первый самостоятельный шаг ребенка — нашего общества. Если бы оно обладало большим запасом гражданского мужества и имело более гражданского развития, 31 марта кончилось баррикадами»².

Антиправительственные настроения распространились, главным образом, среди студенчества и либеральной разночинской интеллигенции. «Чересчур мирная тактика, — писал Русанов, — шла вразрез со все более и более боевым настроением, овладевшим тогда русской молодежью отчасти заражавшим, хотя и в смягченной форме, даже русское общество... Революционное чувство в молодежи и фрондирующее настроение в обществе вспыхнули ярким пламенем»³. Лев Дейч также констатировал: «Оправдание присяжными заседателями Веры Засулич вызвало, как известно, всеобщий восторг и ликование. Вместе с тем, это совершенно неожиданное событие до невероятных пределов подняло в обществе престиж решительных, неустрашимых борцов: вчерашние ярые их противники, не находившие слов для выражения своего негодования против «сумасбродных отщепенцев», после оправдания В. Засулич рассыпались в похвалах по адресу «нашей чуткой, самоотверженной молодежи»⁴. «Со времени выстрела Веры Засулич, — писал Николай Морозов, — русское общество, каза-

Окончание. Начало см.: Вопросы истории. 2015. № 1—3.

лось, воспрянуло от своего непробудного сна. Отзывчивая, как всегда, учащаяся молодежь заволновалась во всех учебных заведениях»⁵.

«Оправдательный вердикт присяжных довел общий восторг до кипения»⁶, — вспоминал Короленко. По его оценке, дело Засулич было таким событием, которое «хоть на время изменяет установившееся соотношение сил». «Казалось, начинается какое-то слияние революционных течений с широкими стремлениями общества»⁷. «Свобода в Петербурге, — отмечает Тихомиров, — наступила необычайная. Сходки происходили невозбранно, демонстрации — почти невозбранно»⁸.

Сочувствие либеральных кругов Засулич, нерешительность блюстителей порядка во время стихийной демонстрации у здания суда, успешное сокрытие террористки, осмелевшие газеты, выразившие недовольство правительством, открытые студенческие сходки, обличающие власть имущих — все это порождало в подполье уверенность в слабости правительства и надежды на поддержку широкими общественными кругами революционизма. Уже виделся новый период в российском освободительном движении. Казалось, интеллигентские и культурные слои столицы вышли из безмолвной пассивности и сделали шаг к активным протестным выступлениям.

Лев Тихомиров писал позднее в записке о революционном движении: «Либеральная публика держала себя так, что революционеры не могли не думать, что она им сочувствует». Весна 1878 г., по его воспоминаниям, в революционеров вселила уверенность, что «правительство может растеряться и уступить» и что «либералы могут революционеров серьезно поддержать». При этом он оговорился: «Я не обсуждаю вопроса о том, насколько подобная уверенность имела основательности, а отмечаю лишь факт ее»⁹.

Казалось, события приобретают революционный оборот. По воспоминаниям Засулич, Сергею Кравчинскому, находившемуся за границей, «сквозь призму иностранных газет и собственного воображения мое оправдание и последовавшие затем демонстрации показались началом революции»¹⁰. И он срочно отправился в Россию. Лев Толстой, относившийся с осуждением к прецеденту Засулич, не исключал радикальных последствий. Вглядываясь из Ясной поляны в происходящее в столице, он полагал, что «засуличевское дело не шутка. Это бессмыслица, дурь, нашедшая на людей недаром. Это первые члены из ряда, еще нам непонятного; но это дело важное. Славянская дурь была предвестница войны, это похоже на предвозвестие революции»¹¹.

В либерально-демократических кругах осознавали, что в случае Засулич революционеры отстаивали «права человека и гражданина», выступали против самодержавного насилия за те общечеловеческие ценности, которые нужны всему российскому социуму. После суда «еще определеннее почувствовалось, что нельзя далее так жить, — утверждал Голоушев, — что либо само общество должно проснуться и заявить свой протест против гнета власти, придавившей в стране жизнь, либо за Верою Засулич придут такие же другие, но уже организованные и гораздо более сильные»¹².

В петербургском кружке либералов-конституционалистов, собиравшемся у В.И. Вернадского¹³, бывшего издателя «Экономиста»,

выражали общее сочувствие Засулич, начиная от губернатора С.-Петербургской губернии И.В. Лутковского до сотрудника «Нового времени» и других газет историка И.Д. Беляева¹⁴. Они ждали перемен.

Свободомыслящие интеллигенты, группировавшиеся вокруг видного народнического публициста Н.К. Михайловского полагали, что выстрел Засулич «кладет начало целой новой полосе революционной деятельности подпольных партий, и много надежд повсюду возлагалось на эту полосу»¹⁵. В «Летучем листке», набранном в нелегальной Вольной русской типографии, где печаталась газета «Начало», Михайловский¹⁶ назвал 31 марта «навсегда памятным днем в русской истории» и выдвигал лозунги «конституции и земского собора». «Историческое движение задержать нельзя, — уверял он. — Общественные дела должны быть переданы в общественные руки. Если этого не будет достигнуто в формах представительного правления с выборными от русской земли, в стране должен возникнуть тайный комитет общественной безопасности. И тогда горе безумцам, становящимся поперек путей истории!» Ибо факты, по мнению автора, «свидетельствуют о бессилии правительства»¹⁷. По мнению историка Ш.М. Левина, «“Летучий листок” Михайловского, отражая напряженную обстановку того момента, предлагал как бы платформу для объединенных стремлений революционных элементов и либерального общества»¹⁸.

В либеральных кругах с новой силой заговорили о политических требованиях и демократизации общества. М.П. Драгоманов разразился памфлетом «За что старика обидели и кто его обижает?», напечатанном в журнале «Община» и вышедшем вскоре отдельной брошюрой. Драгоманов считал, что начавшиеся террористские акты и в первую очередь покушение Засулич — явления политические, хотя в большой степени еще бессознательные для самих революционеров. Он предсказывал большую будущность новому движению, именно оно «завоюет для России политические свободы и конституцию»¹⁹.

Повышенная общественная активность и замешательство в правительственных сферах подталкивали землевольцев к организации массовой протестной акции, к большой общегородской манифестации, в которой явственно выразились бы массовые антиправительственные настроения.

На следующий день после освобождения Засулич в аудитории Медико-Хирургической академии состоялась громадная сходка студентов разных учебных заведений. Было решено провести демонстрацию памяти Сидорацкого, и долго обсуждался вопрос о ее форме — вооруженной или мирной. Большинство склонилось ко второму варианту²⁰.

Участие в акции самой виновницы всеобщего возбуждения было, конечно, невозможно. Веским поводом для публичного выступления могли послужить похороны Сидорацкого. «Хотя никто из радикалов, — по уверениям Льва Тихомирова, — не верил в то, что его убили, и все убеждены были в самоубийстве, тем не менее, затеялась демонстрация в честь “жертв насилия”»²¹.

Уличные похоронные шествия с покойным борцом успешно использовались и раньше. Полиция прекрасно знала о подобных акциях, потому распорядилась поспешно и тайно похоронить Сидорацкого во избежание эксцессов. Тогда решили отслужить по нему панихиду во Владимирской церкви. Назначен был и день — 5 апреля 1878 года.

Демонстрацию-панихиду организовывали Александр Михайлов и Георгий Плеханов. Михайлов в тюремном письме к товарищам, в котором перечислял свои наиболее яркие революционные дела, не преминул упомянуть: «Участвовал в организации демонстрации на Владимирской улице 7 апреля (следует: 5 апреля. — Ю.П.) по поводу убийства Сидорацкого»²². Он в это время вел пропаганду среди старообрядцев в Саратовской губернии и только по газетам мог следить за бурными перипетиями в Петербурге, но «был убежден, что в скором времени предстоят еще более крупные события, — как писал в мемуарах Плеханов. — Он не вытерпел и в начале апреля уже мчался в Петербург, чтобы принять участие в тамошних волнениях»²³.

На квартире адвоката А.А. Ольхина Михайлов и Плеханов составили прокламацию²⁴, ставшую одним из первых произведений Георгия Валентиновича²⁵. В листовке, отпечатанной в той же Вольной русской типографии, провозглашалось: «Пролог начался. Общество не должно, оно не может долее молчать... когда над общественным мнением издеваются так нагло, так открыто. Всякий, кто не за правительство, в подобных случаях должен быть против него. Все общество должно было так или иначе, в той или другой форме выразить свой протест против варварской администрации. Мы приглашаем учащуюся молодежь, приглашаем все партии, кроме партии кнута и палок, соединиться в одном общем и дружном натиске для приобретения своих издавна попираемых человеческих прав»²⁶.

Сближение землевольцев с либеральной буржуазной интеллигенцией происходило на почве отстаивания политических требований. Для землевольцев это было новое, по выражению В.А. Твардовской, «ненародническое» настроение²⁷. По программным установкам «Земля и воля» отвергала политическую борьбу с самодержавием за демократизацию общества, так как результатами такой борьбы, в первую очередь, воспользуется буржуазия, а не народ. Глобальная цель землевольчества — народная революция. Но при готовящейся демонстрации на повестку дня выдвигались требования «известных гарантий свободы и самоуправления»²⁸. А Вера Засулич причислялась «к числу немногих светлых имен мучеников за свободу и права человека»²⁹. В данном историческом контексте она понималась как зачинательница демократического движения в стране.

Собирать рабочих не стали, памятуя о неудачной Казанской демонстрации в 1876 г., на которую пролетарии явились в слишком малом числе. Поступили по-другому: публика сзывалась на демонстрацию-панихиду по отпечатанным пригласительным билетам³⁰. В составлении текста приглашения, скорее всего, также участвовал Плеханов. Билет начинался без обиняков: «В достопамятный день 31 марта убит жандармами наш товарищ — социалист Григорий Сидорацкий» и указывалось место и время проведения акции в его память³¹. Билеты рассылались по всему Петербургу, но никто и не подумал помешать сбору демонстрантов³².

О предстоящем действе заблаговременно дали знать в Москву, откуда прибыло несколько революционеров, в том числе Лев Тихомиров, признававшийся в мемуарах: «Запахло нам чуть не революцией»³³.

5 апреля ранним утром землевольцы Адриан Михайлов и Александр Квятковский осмотрели площадь у собора. Здесь происходило

странное движение: отряды городских и военных, конные и пешие жандармы проходили через площадь и скрывались в воротах ближайших дворов. «Тротуары заполнялись группами дворников, очевидно, стянутах с других мест Питера»³⁴. Ожидали побоище или еще худшего — арестов, суда и административных ссылок, как это было у Казанского собора. «Действительно, легко было предположить, — полагал Тихомиров, — что администрация примет вызов и воспользуется случаем очистить Петербург»³⁵. Многие из демонстрантов решили явиться вооруженными.

Участие в публичном протестном выступлении считали рискованным не только либералы, но и радикалы. Например, П.П. Виктор, диссидент, примыкавший к землевольцам и специально приехавший из Москвы для участия в акции, «смалодушествовал и на демонстрацию не явился»³⁶. Будущий писатель Владимир Короленко бросал со своим братом жребий, кому из них идти на Владимирскую площадь. Выпало младшему брату Иллариону. У них была договоренность: «если представится случай участвовать в каком-нибудь предприятии, сопряженном с опасностью ареста, то участвует только один, а другой остается «в семейном резерве»»³⁷. Но Владимир не выдержал и все-таки присоединился с запозданием к манифестации. Правда, у него были свои интересы: он хотел на сборище встретить Евдокию Ивановскую, к которой испытывал сердечные чувства. И встретил, и проводил до дома. А много позже она стала его женой. Видимо, по этим обстоятельствам сама демонстрация слабо отложилась в его памяти, и он столь кратко написал о ней в мемуарах.

Численность демонстрантов, по газетному отчету «Начала», определялась в две-три тысячи человек³⁸. По воспоминаниям Тихомирова, около Владимирского храма собралась народу в тысячу человек, «еще более любопытных толпилось на противоположной стороне Владимирской площади»³⁹.

Среди собравшихся на демонстрацию-панихиду были «люди весьма солидного общественного положения, все это давало повод думать, что русское общество начинает терять терпение и готово серьезно протестовать против произвола правительства»⁴⁰. «“Господа, смотрите же — не выдавать “студентов”, — распоряжались разодетые “либералы”. Но полиция никого не трогала»⁴¹.

Высшие жандармско-полицейские чины оставались в замешательстве и не дали четких указаний уличным охранителям порядка, и те по своей инициативе ни во что не вмешались. «Правительство, насколько о нем возможно судить, по действиям администрации, — отмечал Тихомиров, — имело какой-то виноватый вид»⁴².

По окончании панихиды было произнесено две речи на церковной площади. Первый выступавший говорил о кровавом событии, которым ознаменовалась смерть Сидорацкого. Закончил оратор словами «вечная память», все присутствовавшие сняли шапки и пропели похоронную песнь⁴³.

Вторым выступил студент Ветеринарного института Николай Лопатин, известный активным участием в петербургских стачках. Он «очень красноречиво поражал “деспотизм”, а пристав мирно разгуливал около него в толпе. Картины, какие не всегда можно увидеть и в Париже»⁴⁴. Лопатин заявил, что общественный суд «оправданием

Веры Засулич положил клеймо позора на столь могучий недавно столп существующего порядка»⁴⁵. И призвал митингующих: «Последуем же примеру Засулич и будем сами расправляться с притеснителями нашими, так как ожидать возмездия для них от правительства не приходится. Да здравствует Засулич! Да здравствует суд присяжных!»⁴⁶ Александр Михайлов, присутствовавший на демонстрации, «сдерживал оратора от излишнего увлечения»⁴⁷.

Толпа медленно потянулась по Невскому проспекту, тут начали появляться конные войска, державшиеся поодаль в двухстах-трехстах шагах. До Невского и в начале Литейного демонстрация была «все-таки довольно густа, но далее стала смешиваться с безразличной толпой, хотя все еще местами привлекала удивленные взгляды встречной публики»⁴⁸.

Все действие прошло мирно, без каких-либо неприятных происшествий. «Полиция и спрятанные в ближайших домах ее резервы, однако, не прибегли к насилию, — отмечал Михайлов, — и демонстранты разошлись спокойно, провожаемые толпой народа, ожидавшей чего-то необычайного»⁴⁹. Арестов тоже не последовало.

Позднее все-таки выслали нескольких студентов, принимавших активное участие в манифестации. Лопатин был сослан в Архангельскую губернию, а оттуда в Восточную Сибирь.

Демонстрация-панихида у Владимирской церкви — во многом характерное общественное явление того времени, оставшееся вне поля внимания историков. Это было самое крупное по численности выступление 1870-х гг., во много раз превосходившее знаменитую Казанскую демонстрацию, и единственный прецедент в позапрошлом веке, когда интеллигентское общество осмелилось хоть в какой-то степени выразить публично и гласно свое осуждение государственной власти.

Владимирская манифестация стала попыткой единения революционного и либерального лагерей в общем активном действии. Первая попытка, но, увы, последняя. Альянс не сложился. Либеральное общество сколько-нибудь серьезных надежд революционеров не оправдало⁵⁰.

«Людей “из общества”, готовых выходить на улицу, — подводил итоги Тихомиров, — оказалось слишком мало. “Передовые” имели достаточно здравого смысла, чтобы понимать, когда и в какой мере это можно делать... Многие остались дома только потому, что прослышали о револьверах революционеров. Они понимали, что при открытом бунте, который бы заставил правительство выйти из упорного миролюбия, они будут в два часа или в два дня стерты с лица земли»⁵¹.

«Одна ласточка “не сделала весны”, — констатировал Плеханов. — Энергия петербургского общества истощилась в очень короткое время; газеты не дотянули начатой ими либеральной ноты, и скоро все вошло в обычную уныло-казенную колею: социалистам оставалось только примириться с новым разочарованием». Александр Михайлов, обманувшись в надеждах, «махнул рукой на петербургскую “революцию”» и возвратился к своим раскольникам⁵². Позднее в следственных показаниях 1882 г. он, пытаясь скрасить скромные результаты демонстрации, писал, что «у собравшихся было желание за-

явить сочувствие суду присяжных, привет его независимому приговору и порицание администрации, своим вмешательством вызвавшей печальный факт (смерти Сидорацкого. — Ю.П.)»⁵³.

Когда начались очередные аресты и высылки «радикалов-злоумышленников», «передовая часть общества» сочла лучшим ограничиться эксплуатацией чужого революционного движения, не путаясь в него самолично»⁵⁴, — справедливо отметил Тихомиров.

Но главное в другом: либералы и революционисты расходились в понимании целей и задач общественного противоположительного движения. Если первые считали первоочередной необходимостью демократизацию общества, реформирование самодержавной системы правления и введение представительных органов власти, то революционные народники намеревались путем всеобщего крестьянского восстания смести самодержавие и потом уже вводить народные формы государственности, по Достоевскому, «желали получить весь каптал сразу».

Тенденция «Земли и воли» на совместные действия с широкими либеральными кругами не получила дальнейшего развития, да и не могла получить. Землеволюцы всегда относились к либералам с пренебрежением. Демонстрация 5 апреля воочию показала, что в обществе нет массового движения, которое могло бы предъявлять реальные требования царскому абсолютизму. В революционном народничестве возобладало другое направление — террористское.

Правительственные меры. Многочисленные акции, связанные с казусом Засулич, в том числе и невиданная по масштабам демонстрация «неблагонамеренных лиц» у Владимирской церкви всерьез озаботили царское правительство. 17 апреля, в день рождения государя императора, после торжественной обедни состоялось совещание высших сановников. «Дело шло, — записал в дневнике Милютин, — опять о принятии решительных мер против революционных замыслов, все более и более принимающих дерзкий характер... Предлагались разные крутые меры: усиление и систематизирование административной высылки (Мезенцов), закрытие некоторых учебных заведений (граф Пален), дошло даже до того, что произнесено было слово: объявить Петербург на военном положении!!»⁵⁵ Но никаких конкретных мер для пресечения диссидентского движения совещание так и не выработало.

С другой стороны, не было проведено и расследование противоправных действий должностных лиц в ДПЗ по избиению политзаключенных. Несмотря на явную незаконность факта, ни Трепов, ни исполнители не были привлечены к ответственности. «Надо заметить, — справедливо указывал юрист-законник Кони, — что в Англии, да и во всякой свободной стране, злоупотребление Трепова давно уже вызвало бы запросы в палате, оценку по достоинству в печати и, вероятно, соответствующее взыскание или, по крайней мере, неодобрение правительства»⁵⁶. В самоуправной России такого не могло быть. Правда, Трепова, как одиозную фигуру, Александр II впоследствии отправил в отставку.

Между тем, жизнь царского двора, которая определяла жизнь страны, продолжалась по-прежнему: с борьбой за влияние на государя, интригами, наущничеством, коррупцией, мздоимством с «вверенного населения» и ненавистью к нигилистам, которые только ме-

шали благотворным деяниям правительств. И все это по мановению единоправного монарха, обремененного государственными делами и трудностями личной жизни — многочисленными детьми, нелюбимой женой и любимой любовницей. В Зимнем дворце полагали: слава Богу, что мудрая монархическая власть простирается над благословенным российским народом. Совершенство социума и управление подданными после целого ряда реформ уже достигнуты, разве что нужно увенчать прогрессивные преобразования неким подобием конституции, не ограничивающей, впрочем, единодержавной власти. Но это лишь проекты на неопределенное будущее. Но в стране зреет недовольство, происходят злонамеренные волнения, ширится круг беззаконников, упорствующих в преступных и пагубных убеждениях. И управленческая элита вынуждена искать средства упрочить самодержавный порядок, подавить любое протестное движение. В этих поисках, разумеется, никакая демократизация общества не допускалась. Курс был взят, как всегда, на усиление репрессий.

Правительственные верхи, разгневанные столь неожиданным и неприятным оборотом дела Засулич, прибегли к карательно-усмирительным мерам, уже не считаясь ни с какой законностью. «Тот факт, что императорская власть оказывается неспособной управлять на основе существующих обычных законов, — писал выдающийся историк П.А. Зайончковский, — что возникает потребность в принятии мер, нарушающих эти обычные законы, говорит о наступлении кризиса самодержавия, неспособного в данный момент управлять старыми методами»⁵⁷.

Лакмусовой бумажкой новых репрессивных тенденций помимо законодательных норм стала расправа с подсудимыми по «Процессу 193-х», закончившегося 23 января, за день до выстрела Засулич. Особое присутствие Правительствующего сената «вынужденно было под давлением общественного мнения воздержаться от сурового возмездия и вынести относительно мягкий приговор»⁵⁸. Лев Тихомиров, судившийся по этому процессу, считал, что «с тех пор как Россия существует, никакой суд не выносил более независимого приговора»⁵⁹. Этого мало, после объявления приговора сенаторы ходатайствовали перед государем об облегчении участи подсудимым — замене для всех, осужденных к каторге, ссылкой на поселение. Подобные ходатайства по установившейся традиции всегда удовлетворялись государем. Однако шеф жандармов Мезенцев и министр юстиции Пален убедили Александра II отклонить сенатское прошение⁶⁰. В специальном докладе на высочайшее имя III Отделение опротестовывало приговор, так как заведомо «преступные лица» были оправданы лишь потому, что улики против них оказались недостаточными⁶¹. В итоге государь не только не смягчил приговор, но ужесточил его: «наказание, определенное Сенатом «главным зачинщикам», было повышено несколькими степенями, а ссылка в Сибирь на поселение заменена каторжными работами»⁶². С санкции Александра II подсудимые, оправданные судом, многие из которых уже просидели в тюрьмах по два-три года и уже отпущенные на свободу, подлежали задержанию и административной ссылке на Север или в Сибирь под надзор полиции. Это стало ответом на выстрел Засулич.

Теперь по волеизъявлению Александра II жандармерии также предоставлялось право высылать всех лиц, которые показались ей опас-

ными. Ссылались «административным порядком в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири для водворения по его усмотрению в местностях вверенного ему края на жительство под надзор полиции». Причем все это «без участия чинов прокурорского надзора», которым следовало лишь сообщать о принятом решении «для сведения»⁶³.

Жандармские постановления об административных ссылках принимались по упрощенной форме и крайне недобросовестно. Даже в тех случаях, когда заключение отправлялось к государю императору. «Дела велись в III отделении весьма небрежно, — констатировал государственный секретарь Перетц. — Как и понятно, они начинались почти всегда с какого-нибудь донесения, например, тайного агента, или записанного полицией показания дворника. Писаны были подобные бумаги большею частью безграмотно и необстоятельно; дознания по ним производились не всегда: если же и производились, то слегка, односторонним расспросом двух-трех человек, иногда даже почти не знавших обвиняемого; объяснений его или очной ставки с доносителем не требовалось; затем составлялась докладная записка государю, в которой излагаемое событие освещалось в мрачном виде, с употреблением общих выражений, неблагоприятно обрисовывающих всю обстановку. Так, например, говорилось, что обвиняемый — человек вредного направления, что по ночам он сходится, в преступных видах, с другими, подобными ему, людьми, ведет образ жизни таинственный; или же указывалось на то, что он имеет связи с неблагонадежными в политическом отношении лицами; далее упоминалось о чрезвычайной опасности для государства от подобных людей в нынешнее тревожное время и в заключение испрашивалось разрешение на ссылку, в административном порядке, того или другого лица. Бессодержательные докладные эти записки переписываемы были чрезвычайно красиво на отличной бумаге.

Естественно, что при таком образе действий происходили часто не только неосновательные или сильно преувеличенные предположения о виновности, но даже прямые, самые грубые ошибки; бывали случаи смешения имен, вроде следующих: Андрея Иванова принимали за Александра Иванова, Винберга за Вимберга, Власьева за Власова и т.п.»⁶⁴.

Значительная часть таких высланных устремлялась в бега, одни бежали с пути следования, другие с мест ссылки. И пополняли ряды революционного сообщества. Возможность остаться на свободе у них была только одна — скрыться от полиции переходом на нелегальное положение: обзавестись подложными документами и уйти в подполье. Перетц был прав, когда писал в дневнике: «Правительство посредством... ссылки в административном порядке, можно сказать, само распложило социалистов»⁶⁵, тот контингент, из которого пополнялись ряды террористов.

Правительство также пошло на усиление судебных мер по борьбе с политическими преступниками. По высочайшему указу от 9 мая 1878 г. все дела против должностных лиц изымались из ведения суда присяжных и передавались в Судебные палаты и Особое присутствие Сената. Для особо тяжких преступлений учреждался Верховный уголовный суд. В этих инстанциях находились всецело благонадежные

чиновники. Заведомо предрешенный карательный приговор был обеспечен.

На второй день после оправдания Засулич в кабинете министра возникла служебная записка о необходимости упорядочения уголовного положения. Именным указом дела о вооруженном сопротивлении властям, о нападении на военных и полицейских чинов войска, а также вообще должностных лиц при исполнении служебных обязанностей были переданы военным судам, *установленным для военного времени*. Виновные подлежали наказанию по статье 279 «Воинского устава о наказаниях», то есть смертной казни.

Военным судам политические дела были подчинены лишь по закону от 9 августа 1878 года. Но действовать они стали намного раньше. Дело о вооруженном сопротивлении при аресте кружка И.М. Ковальского в Одессе слушалось в местном военно-окружном суде 19—27 июля 1878 года. Военные служаки на судебном поприще были всегда готовы к предельно суровым приговорам, дабы искоренить крамолу. Южного «бунтаря», революционера-народника Ивана Ковальского приговорили к расстрелу. Это был первый смертный вердикт военного суда по политическим делам. Именно с процесса Ковальского началось в России более чем десятилетнее непрерывное военное судилище по делам о государственных преступлениях⁶⁶. Далее приговоры к виселице будут множиться по всей стране. Шлюзы правительственного террора были открыты с целью затопить террористское подполье.

Революционный терроризм начался. Революционное народничество вступило в новую фазу: пропаганда сменялась терроризмом. Явственной гранью стал выстрел Засулич.

Публичное оправдание Засулич было воспринято революционерами как общественное одобрение терроризма, как признание права радикалов на экстремизм. «Присяжные отказались обвинять ту, которая решилась противопоставить насилию насилие»⁶⁷ — утверждалось в землевольческой листовке, то есть, по логике революционистов, присяжные, воплощавшие общественную совесть, дали согласие на вооруженную борьбу с правительством.

В этой связи характерно письмо народника Семена Ивановского своему одесскому единомышленнику. В письме отразились понимание революционной молодежью засуличевского процесса и общий подъем боевых устремлений: «Возьми хоть дело Засулич. “Нет, не виновна!” Что за драгоценные слова из уст представителей народа! А ведь еще состав-то присяжных был далеко не народный. “Не виновна!” Одно слово и все башибузукское царство приговорено к смерти. “Уничтожай всю опричнину”. Так говорит этот справедливый суд! “Уничтожай, и нет тебе вины!” Да! Боголюбов отомщен! Но отомщены ли все замурованные в централках, сведенные с ума и в могилу? Нет! Тут требуются не единичные силы, а общая, дружная работа всех нас, живых, для счета с этими разбойниками. Поступок Веры из единичного должен обратиться в коллективный и тогда-то он будет ценен!»⁶⁸. Уже на второй день, после покушения на петербургского градоначальника в почтовый ящик III Отделение на Гороховой была подброшена многообещающая записка: «Собаке Трепову собачья и смерть!!! И вам Палены, Мезенцовы, Петерсы, Желиховские! Иуды»⁶⁹.

Иван Ковальский, руководитель подпольного кружка в Одессе, в прокламации «Голос честных людей» восклицал: «Смерть Трепову! Смерть другим подобным подлецам!!! Смерть!.. Их пора стереть с лица земли, и тогда восторжествует правда на земле, а теперь к этому уже идет время. Недаром два раза стреляли в самого государя императора Александра Николаевича — Каракозов и Березовский!... Уже не тот дух времени, какой был прежде, что уже настала фактическая борьба социально-демократической партии с этим подлым правительством — русских башибузуков. В самом деле, можем ли еще хладнокровно смотреть, как наши близкие друзья и единомышленники гниют по тюрьмам, по острогам; как самых лучших из нас вырывают сыщики и передают в руки правительства, а правительство душит нас и в конце разоряет народ? Нет, мы не допустим таких безобразий!.. Мы пойдем по следам наших лучших товарищей, мы пойдем по следам незабвенных героев наших»⁷⁰. Такими героями автором прокламации объявлялись Каракозов и Засулич. Примечательно, что уже ставился на повестку дня вопрос о царубийстве.

«Тяжкие кары, преследовавшие пропагандистов, — пишет Прибылева-Корба, — довели негодование против правительства и ненависть к нему до большого напряжения. Но раздался выстрел Засулич, и все почувствовали облегчение, что найден путь из безвыходного положения, найдено средство от душившего всех кошмара»⁷¹. «Все», о которых говорит мемуаристка — это те, кого она причисляла к революционному лагерю, а найденный путь — терроризм. Экстремистски настроенные народники, такие как Морозов и Кравчинский, решили, что «способ действий нам придется сделать теперь несколько более революционным, особенно после Веры Засулич, показавшей нам путь». Морозов, будущий теоретик подпольного терроризма, вспоминал: «После выстрела Веры Засулич я инстинктивно чувствовал, что центр революционной деятельности переносится в города и что пропаганда среди крестьян... не принесет ожидаемых результатов»⁷². Кравчинский, убивший через несколько месяцев шефа жандармов, восторженно уверял, что покушение на Трепова «имело огромное значение в развитии терроризма. Оно озарило его своим ореолом самопожертвования и дало ему санкцию общественного признания»⁷³.

Выстрел Засулич, констатировал Лев Дейч, «послужил сигналом к длинному ряду происшедших в разных местах... насильственных актов. Вполне справедливо, поэтому, называют Веру Засулич родоначальницей террористической борьбы в России»⁷⁴.

Народнический терроризм, однако, возник отнюдь не по мановению засуличевского револьвера. Идея вооруженного противодействия царской власти вызревала давно, но не носила целенаправленного и идейно осмысленного характера. Правительственные репрессии постоянно подталкивали наиболее активных народников к отпору с оружием в руках жандармам и полиции. На первых порах революционеры стали оказывать сопротивление при арестах, устраивать вооруженные освобождения своих товарищей, убивать предателей. Начались покушения на должностных чинов, что рассматривалось как справедливая месть за чрезмерные жестокости властей. Все подобные акции предусматривались землевольческой программой, но отнюдь не ставились во главу угла. Например, Александр Михайлов понимал такие

действия как вынужденные меры «защиты себя от врага»⁷⁵. Главная задача по-прежнему состояла в консолидации всех слоев российского общества для осуществления революции, в результате которой и будут уничтожены все защитники самодержавия.

Михайлов так объяснял причины усиления революционного терроризма: «Партия под влиянием тюремных драм, безжалостных приговоров, всевозможных преследований, стала чаще обращать гневные взоры на правительство. До той поры, в подготовительной работе, эта сила как-то игнорировалась; ее всякий ненавидел, презирал, но борьба с ней тотчас и непосредственно не считалась насущно необходимой... Правительство обходили для того, чтобы, заручившись союзниками, народом и обществом, ударить общей силой и разбить бездушного великана. Думали, что оно не представит препятствия успешному расширению партии и работе в народе. Но чем более жертв уносила эта темная сила, тем более зрела мысль отпора и защиты от ее цепких лап. В серьезном поступке первая Вера Засулич заявила это вновь определенное настроение партии. Она была героем дня, и ее дело волновало партию и даже общество сильнее, чем какое-либо другое»⁷⁶.

За весь 1877 г. землевольцы совершили только один теракт: в июле был убит рабочий Николай Шарашкин, выдавший жандармам М.А. Натансона, организатора «Земли и воли». Но «после выстрела Засулич долго сдерживаемая энергия вырвалась наружу»⁷⁷, — отмечала Вера Фигнер. Вооруженные акции последовали одна за другой в провинции и столице империи⁷⁸. Уже 30 января, через шесть дней после покушения на Трепова, в Одессе подпольный кружок Ивана Ковальского оказал при аресте коллективное вооруженное сопротивление. Были раненные и с той, и с другой стороны. В истории русского освободительного движения это первый подобный случай. До того революционеры мирно сдавались в руки властей, за исключением И. Мышкина и А. Цицианова. В 1878 г. вооруженные акции при арестах происходили семь раз⁷⁹, они «стали для народников-террористов как бы правилом чести»⁸⁰.

24 июля 1878 г. у здания военного суда, где слушалось дело Ковальского и его товарищей, произошла вооруженная демонстрация. В перестрелке ранили четырех солдат, среди демонстрантов оказалось десять раненых и двое убитых.

В Киеве зимой 1877—1878 гг. Валериан Осинский образовал так называемый южный Исполнительный комитет Русской социально-революционной партии, который провел целый ряд террористических акций. Михайловский в апреле 1878 г. уверял, что если не будут введены общественные формы представительства, то в стране возникнет «тайный комитет общественной безопасности». Его предвещание запоздало. Комитетчики 2 февраля в Ростове-на-Дону убили предателя Акима Никонова. 23 февраля в Киеве было проведено неудачное покушение на товарища киевского губернского прокурора М.М. Котляревского. Жертва не была убита и даже ранена. Зато 25 мая был убит адъютант киевского губернского жандармского управления барон Г.Э. Гейкинг. Наконец, 4 августа 1878 г. в Петербурге, на Михайловской площади Сергей Кравчинский заколол кинжалом шефа жандармов генерал-адъютанта Н.В. Мезенцева.

Война не на жизнь, а на смерть началась. Кравчинский в прокламации «Смерть за смерть», посвященной убийству жандармского

шефа, обращался к высшим государственным лицам: «До тех же пор, пока вы будете упорствовать в сохранении теперешнего дикого бесправия, наш тайный суд, как меч Дамокла, будет вечно висеть над вашими головами, и смерть будет служить ответом на каждую вашу свирепость против нас. Мы еще недостаточно сильны, чтобы выполнить эту задачу во всей ее широте. Это правда. Но не обольщайтесь, не по дням, а по часам растет наше великое движение. Припомните, давно ли вступило оно на тот путь, по которому идет. С выстрела Веры Засулич прошло всего полгода. Смотрите же, какие размеры оно приняло теперь! А ведь такие движения растут все с возрастающей силой, подобно тому, как лавина падает со все возрастающей скоростью. Подумайте: что же будет через какие-нибудь полгода, год?»⁸¹ Эскалация насилия в стране достигнет максимального размаха. Пафос мщения и восстановления поправленной справедливости перерастет в идею террористской борьбы с самодержавной властью за демократизацию общества.

Правительство, отстаивая монархические основы своей власти, ответило на вызов террористов военно-окружными судами, ссылками на каторгу и виселицами. «У терроризма в России было два «автора», — полагал историк Будницкий, — радикалы, снедаемые революционным нетерпением, и власть, считавшая, что неразумных детей надо не слушать, а призывать к порядку. Даже если некоторых из них придется для этого повесить. Эта взаимная глухота, неспособность к диалогу приводили все к большему озлоблению обеих сторон, к новым виткам насилия»⁸². Бескомпромиссные и экстремистски настроенные революционеры объединились в Исполнительный комитет «Народной воли», который открыл динамитную охоту на царя. 1 марта 1881 г. Александра II убили на Екатерининском канале, но царевубийство не привело ни к каким позитивным обновлениям в жизни российского общества.

Засулич постфактум. За границей Вера Засулич при большой популярности в 1880-е гг. могла бы сделать выдающуюся карьеру в международном социалистическом движении. Но она старалась оставаться по возможности незамеченной и довольствовалась узким кругом друзей⁸³. Европейцев «она поражала своей скромностью и беспритязательностью»⁸⁴.

Клеменц с долей иронии говорил ей: «Я то вас довольно знаю, а им невдомек, что вы ухитрились свою известность до зубовного скрежета возненавидеть»⁸⁵. Когда парижские анархисты предложили ей принять участие в многотысячной демонстрации в ее честь, она категорически отказалась.

Между тем в политических движениях Засулич разбиралась весьма слабо. «Я в то время, — пишет она в мемуарах, — имела лишь смутное понятие как об анархии, так и о социал-демократии. Русская пресса не давала сведений о таких вещах, а попадавшие мне в руки заграничные издания давали слишком отрывочные»⁸⁶.

При расколе «Земли и воли» в августе 1879 г. Засулич нелегально приехала на короткое время в Россию и присоединилась к «Черному переделу». С этого времени и на долгие годы она подпала под сильнейшее идейное влияние Плеханова. В личных письмах к «дорогому Жоржу» она ставила шутливую, но характерную подпись «Ваш хвост».

Вера Засулич, «мать терроризма», как ее называли, стала вскоре убежденной «противницей увлечения террористическими актами»⁸⁷. После неудачного покушения Александра Соловьёва на государя она с жаром доказывала эмигрантам-чернопередельцам, что надо немедленно возвращаться в Петербург, чтобы не допустить последующих попыток цареубийства⁸⁸.

В 1883 г. в Женеве Засулич участвовала в создании первого русского марксистского сообщества — группы «Освобождение труда», так что ее по праву можно также назвать *матерью российской социал-демократии*. Засулич переводила на русский язык К. Маркса и Ф. Энгельса и переписывалась с ними⁸⁹. Писала и сама сочинения марксистского толка.

Всю дальнейшую жизнь Засулич продолжала упорно осуждать террористскую борьбу с самодержавием. Она настаивала, что террор вреден в революционном движении, так как ведет к усилению государственных репрессий, и, как следствие, приводит к свертыванию агитационной работы в трудовых массах⁹⁰. Особенно она восставала против терроризма в 1890-х — середине 1900-х гг., когда эсеры возобновили его с новой силой. Засулич выступила с рядом статей, доказывающих его несостоятельность, ибо, по ее мнению, общество перекладывает борьбу с царизмом на террористические организации, а само уклоняется от активных массовых выступлений. «Широкому развитию общественной активности и энергии, — писала она, — террор не только не содействует, а по самому существу своему не может не становить психологических препятствий... Террор несомненно очень волновал все жаждущее свободы русское общество, но это пассивное волнение, самодовлеющее, не толкающее к действию»⁹¹.

В 1902 г. Засулич опубликовала на немецком языке в журнале «Die Neue Zeit» принципиальную статью «Террористическое движение в России», переведенную на русский язык лишь через 80 с лишним лет. В статье критиковались эсеры — террористы-эпигоны, «неудачные подражатели» «Народной воли»⁹². «Революционное нетерпение отдельных людей или очень маленьких групп проявлялось в России уже три четверти века тому назад, — указывала Засулич. — Теперь, когда новая Россия выступает на арену борьбы, когда боевой дух захватывает массы, настоящее место людей, готовых, пойти на жертву, в рядах этих масс. Задача героев состоит сегодня не в том, чтобы “мстить” за массы или “защищать” их, а в том, чтобы вдохновить их и вести за собой; нужно действовать не для масс, а в массах. К сожалению, все еще есть часть революционеров, которым кружит голову старое, когда-то оправданное, сегодня, к счастью, ложное представление о кучке героев и пассивной массе, и это побуждает их направлять движение по старому безнадежному пути»⁹³. О своем знаменитом теракте автор предпочла не упоминать и не давать ему оценок.

В 1900 г. Засулич вошла в редколлегияу социал-демократической общероссийской газеты «Искра» и журнала «Заря». Но она «осталась до конца старой интеллигенткой радикалкой, которую судьба подвергла марксистской прививке, — писал Лев Троцкий. — Статьи Засулич свидетельствуют, что теоретические элементы марксизма она усвоила превосходно. Но в то же время нравственно-политическая основа русской радикалки 70-х годов осталась в ней неразложенной

до конца. В интимных беседах она позволяла себе будировать против известных приемов или выводов марксизма. Понятие “революционер” имело для неё самостоятельное значение, независимое от классового содержания». «Писала она очень медленно, переживая подлинные муки творчества... Она наносила на бумагу по отдельной фразе, много ходила по комнате, шаркая и притаптывая своими туфлями, без конца дымила свернутыми от руки папиросами, нашвыривала во всех углах, на всех окнах и столах окурки и просто недокуренные папиросы, осыпала пеплом свою кофту, руки, рукописи, чай в стакане, а при случае и собеседника». «Она жила, одевалась и питалась, как скромнейшая из студенток. В области материальных ценностей её высшими радостями были табак и горчица»⁹⁴.

На II съезде РСДРП в 1903 г. она примкнула к «искровцам меньшинства», полностью порвав с В.И. Лениным и став до конца своих дней принципиальной противницей большевизма-ленинизма. Разрыв произошел собственно еще за полгода до съезда, когда она с Ю.О. Мартовым и А.Н. Потресовым встала в резкую оппозицию к Ленину⁹⁵.

Впрочем, она противопоставила себя и Плеханову, который иронично заметил: «Вера Ивановна, видимо, приняла меня за Трепова!» Позднее они, правда, помирились, заняв в 1914 г. оборонческую позицию по отношению к империалистической войне и отстаивая верность «союзническим обязательствам»⁹⁶.

В ноябре 1905 г. во время Первой русской революции, получив амнистию, Засулич возвратилась в Россию. С лета 1907 г. поселилась на хуторе Греково Тульской губернии, где занималась огородничеством и цветоводством. А в Петербург приезжала только на зиму.

Октябрьскую революцию она приняла крайне враждебно, считая ее контрреволюционным переворотом. «Нет у социализма в настоящий момент, — утверждала она, — более лютых врагов, чем господа из Смольного». Для старой революционерки новая власть была зеркальным отражением царской, усиленной большевицким террором. «Перевернутый мир не преобразился, — утверждала она. — На его месте стоит отвратительное громогласно лгущее, властвующее меньшинство и под ним громадное вымирающее от голода, вырождающееся с заткнутым ртом большинство»⁹⁷.

В советское время Засулич ютилась в Доме литераторов на Аптекарском острове, на набережной Карповка, откуда «желала со временем, быть переселенной на “Литературные Мостки” (на Волково кладбище); у нее было своего рода суеверное опасение, что с переселением из этого насиженного ею места на Карповке она непременно умрет»⁹⁸.

В январе 1919 г. районный совет выселил всех жильцов, и дом перестали отапливать. 70-летняя простуженная старуха перебралась в чердачную комнату во флигеле и заболела воспалением легких. Ухаживать за ней было некому⁹⁹. Вот и «гордость человечества», чье имя, как обещал Кравчинский, «с благоговением будет повторяться из рода в род».

Она была из тех людей, кто пришел в этот мир не соглашаться, и мир в противоборстве ответил ей отчужденностью, нищетой, неустроенностью, одиночеством. «И умереть ей пришлось в очень тяжелых условиях»¹⁰⁰, — свидетельствовал Лев Дейч. Скончалась Вера Засулич 8 мая 1919 года. Похоронена была за государственный счет, как она и хотела, на Волковом кладбище.

Биографические публикации о ней в советское время были весьма немногочисленны ¹⁰¹. Они страдали односторонностью, неполнотой фактов и тенденциозностью. Под пишущими машинками ангажированных историков главная вина Засулич состояла не столько в терроризме, сколько в том, что «она совершила политическое грехопадение, порвала с революционным марксизмом и оказалась в лагере меньшевиков, в котором оставалась до конца жизни» ¹⁰².

За рубежом вышло несколько специальных работ, ей посвященных ¹⁰³ или ее касающихся ¹⁰⁴. В постсоветское время в России появился ряд книг о Засулич ¹⁰⁵. Между тем подлинной научно-исследовательской монографии о Вере Ивановне Засулич до сих пор не написано.

Трепов постфактум. Сказался казус Засулич и на Трепове. После суда присяжных Кони навестил выздоравливавшего градоначальника и застал его в состоянии христианского смирения. Он благодарил Бога за оправдание террористки, но в то же время «с недоумением спрашивал, что он сделал присяжным и за что они его так жестоко оскорбили своим приговором?» ¹⁰⁶

Придворные враги, как известно, донесли Александру II о финансовых махинациях градоначальника, и монарх потерял доверие к своему верному генералу ¹⁰⁷. По воспоминаниям Новицкого, «личный кредит Трепова как у государя Александра II, так и в обществе пал и, по слухам, государь возлагал на шефа жандармов Мезенцова поручение собрать сведения о нажитых Треповым миллионах, и, как говорили и приходилось мне слышать от высокопоставленных лиц, именование Треповым в несколько миллионов состояния подтвердилось» ¹⁰⁸.

Служебная участь Трепова в купе с неудовлетворительным состоянием столичной полиции обсуждалась на совещании у государя 15 апреля. Заседание прошло под впечатлением массовой демонстрации у Владимирской церкви. С резкой критикой выступил министр Тимашев, а треповский помощник генерал-майор Козлов, замещавший должность градоначальника на время отсутствия Трепова, заявил, что в случае его возвращения он отказывается от своего поста. Было решено приискать нового столичного генерал-губернатора ¹⁰⁹. Разумеется, служебные и денежные злоупотребления градоначальника на совещании не рассматривались. Но Трепов все равно считал себя жертвой обстоятельств и интриг.

Выйдя в отставку, он переехал в Киев с наездами в Петербург. В Киеве он поселился в своем доме на Печерске и стал прихожанином храма Спаса на Берестове.

К бывшему царскому сановнику часто обращались с просьбами многие простые люди, и он, несмотря на болезни и недуги, старался всем помочь. Трепов «человек по душе добрый, — писал Новицкий, — и всегда готовый выполнить просьбу каждого к нему обратившегося, какого бы он звания, происхождения и народности ни был, и во многом успевал ходатайствами и связями своими в С.-Петербурге» ¹¹⁰.

Трепов помогал восстанавливать Свято-Михайловский Выдубицкий монастырь, где похоронена его жена Вера Васильевна, урожденная Лукашевич, и свершил немало благого для обители.

Еще в конце 1860-х гг. Трепов сделал важное и доброе дело для киевлян: он отдал почти гектар своей усадебной земли, чтобы проло-

жить удобную для городского сообщения улицу близ Крещатика. Вначале она называлась Треповской, потом Коммунистической ¹¹¹.

В 1881 г. прихожане церкви Спаса на Берестове решили возвести новый храм и обратились к Федору Федоровичу за помощью. Он охотно отозвался: пожертвовал тысячу рублей и возложил на себя обязанность собирать взносы от других лиц. Усилиями Трепова и крупных киевских меценатов в Мариинском парке в 1889 г. была поставлена церковь во имя Александра Невского. Сейчас на этом месте возвышается памятник генералу Н.Ф. Ватутину.

Через три месяца после освящения храма, 23 ноября 1889 г., Федор Федорович Трепов умер в кругу родных и близких. Упокоили его в фамильном склепе некрополя Выдубицкого монастыря.

Еще при жизни он обеспечил своих девятерых детей ежегодным доходом от 13 до 15 тыс. рублей. Все они заняли высокое положение в обществе. А старшие сыновья достигли блестящих служебных успехов. Федор был Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором и членом Государственного совета. Дмитрий Федорович, как и его отец, стал Санкт-Петербургским генерал-губернатором и, пользуясь расположением императора Николая II, был товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией и командующим Отдельным корпусом жандармов с оставлением в прежней должности.

О пули Засулич Трепов помнил всю жизнь. Пуля давила ему на нервные узлы, отчего «он и терпел невероятно мучительные боли» ¹¹².

Итоги и перспективы. В казусе Засулич существенно не само покушение на царского чиновника, а причины и следствия теракта, реакция на него общества. В нем высветились насущные проблемы российского социума, требующие кардинального решения проблем: «самодержавие и общество», «самодержавие и реформы», «самодержавие и революционизм».

Выстрел Засулич стал «знаменем времени». Он был вызван невозможностью добиться при царской системе власти справедливости и законности, неисполнимостью даже тех имперских законов, которые далеки от общегражданских форм правления. «Покушение Засулич — следствие чувства оскорбленной справедливости, — подчеркивал Будницкий. — Парадоксальным образом — этот абсолютно незаконный акт стал своеобразным средством защиты закона и прав личности» ¹¹³. Между тем, своеволие террористки противоправно в той же степени, что и самочинные действия представителя государства, которому доверено исполнение закона и который, переступив его, становится таким же законопреступником, как и революционер-злоумышленник. Неправомочны и те, и другие.

В стране отсутствовали правовые механизмы, регулировавшие конфликтные отношения личности и государства. Но беззаконие нельзя преодолеть, а тем более искоренить другим беззаконием. Насилие невозможно победить насилем, ибо его суть остается прежней. В чем Вера Засулич убедилась в итоге своей жизни.

В переплетении частных суждений и действий в связи с преступным деянием террористки явственно выявился разлад между монархическим правлением и насущными политическими потребностями пореформенной России. С отменой крепостничества в стране начался долгий процесс формирования вне и помимо высочайшего соизволе-

ния *гражданского общества*, отстаивающего парламентаризм, конституционное правление, гражданские права. Процесс многосложный, непоследовательный и строго контролируемый охранительными службами империи.

Между тем, коллективные выступления, вызванные делом Засулич, показали слабую подготовленность либеральной буржуазии к открытым выступлениям с демократическими требованиями, к публичному противостоянию самодержавию. Совместное действо либералов и революционеров на Владимирской площади оказалось единственной акцией, но и оно показало невозможность их объединения.

С другой стороны, покушение на высшего петербургского сановника было предопределено всем ходом народнического движения. На правительственный террор, исходивший из царского дворца, революционеры ответили тем же из подполья. Получался порочный круг — змея, кусавшая свой хвост.

Монархическая Россия пошла по пагубному пути насилия, дабы не допустить демократизации общества. Ни та, ни другая сторона не хотела и не могла пойти на уступки в силу своей социальной природы. Монархия всеми силами старалась не допустить демократизации страны, которая угрожала ей потерей самодержавных основ, а революционеры опасались утратить свой боевой дух. Этого же боялись землевольцы, развязавшие «красный» терроризм. Правда, «Народная воля» выдвинула политические требования, но добиться их попыталась теми же террористскими средствами, обещая перейти к «мирной» деятельности после достижения цели.

Правительственные репрессии загоняли болезнь российского общества вглубь. Карательными средствами царизм пытался понизить повышенную температуру социума, дабы он внешне казался монархически здоровым. В конце концов, принудительное «лечение» закончилось крушением самодержавной империи, гибелью царской фамилии и трагическим торжеством революционеров, завоевавших власть. Но их правление не привело и не могло привести к демократизации России и обернулось многомиллионными людскими жертвами.

Примечания

1. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пг. 1924, с. 326.
2. К делу В.И. Засулич. Прокламация «Ко всем честным людям», с. 180.
3. РУСАНОВ Н.С. На родине. — Каторга и ссылка. 1929, № 5, с. 152—153.
4. ДЕЙЧ Л.Г. Валериан Осинский. 1859—1882. М. 1931, с. 29.
5. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. М. 1947, с. 318.
6. КОРОЛЕНКО В.Г. История моего современника. В кн.: КОРОЛЕНКО В.Г. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. М. 1954, с. 207.
7. Там же.
8. ТИХОМИРОВ Л.А. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений. — Каторга и ссылка. 1926, № 3, с. 119.
9. Там же.
10. ЗАСУЛИЧ В.И. Воспоминания. М. 1931, с. 76.
11. Письмо Л.Н. Толстого — В.В. Страхову, 6 апреля 1878 г. ТОЛСТОЙ Л.Н. Собр. соч. в двадцати томах. Т. 17. М. 1965, с. 485.

12. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С. С.] Процесс первой русской террористики. — Голос минувшего. 1918, № 7—8, с. 151.
13. Вернадский Иван Васильевич — известный ученый, статистик, экономист. Отец В.И. Вернадского — ученого естествоиспытателя, мыслителя; дед Г.В. Вернадского — русского и американского историка.
14. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., кн. 2, с. 107.
15. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С. С.] Ук. соч., с. 150.
16. Авторство Михайловского «Летучего листка» удостоверяет Н.К. Бух. БУХ Н.К. Воспоминания. М. 1928, с. 165.
17. Летучий листок. 1878, апрель, № 1.
18. ЛЕВИН Ш.М. Две демонстрации. Исторические записки. Т. 54. М. 1955, с. 261.
19. ДРАГОМАНОВ М.П. За что старика обидели и кто его обижает? — Община. 1878, № 3—4.
20. МИХАЙЛОВ А.Ф. Автобиография. М. 1989, с. 149.
21. ТИХОМИРОВ Л.А. Воспоминания. М. 2000, с. 98.
22. Письма народовольца А.Д. Михайлова. Собрал П.Е. ЩЕГОЛЕВ. М. 1933, с. 222.
23. ПЛЕХАНОВ Г.В. Воспоминание об А.Д. Михайлове. В кн.: ПЛЕХАНОВ Г.В. Соч. Т. 1. М.-Пг. 1923, с. 161.
24. ТИХОМИРОВ Л.А. Воспоминания, с. 99.
25. Об авторстве Плеханова см.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Берлин. 1925, с. 211—213; ДЕЙЧ Л.Г. Г.В. Плеханов в «Земле и воле». В кн.: Группа «Освобождение труда». М.-Л. 1925, с. 54.
26. Прокламация «Земли и воли» «К русскому обществу» по поводу оправдания В.И. Засулич, 1887, апрель, с. 55.
27. ТВАРДОВСКАЯ В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х гг. М. 1969, с. 25.
28. Прокламация «Земли и воли» «К русскому обществу по поводу оправдания В.И. Засулич, с. 54.
29. Прокламация «Земли и воли» «Покушение на жизнь Трепова», 1878 г., январь, с. 49—50.
30. ТИХОМИРОВ Л. А. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений, с. 119.
31. Русская подпольная и зарубежная печать. М. 1935, с. 190.
32. ТИХОМИРОВ Л.А. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений, с. 119.
33. ЕГО ЖЕ. Воспоминания, с. 98.
34. МИХАЙЛОВ А.Ф. Автобиография, с. 149; О таких же приготовлениях вокруг Владимирской площади писал В.Г. Короленко. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., с. 214.
35. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы. В кн.: Либералы и террористы. М. 1890, с. 103.
36. ЕГО ЖЕ. Воспоминания, с. 98.
37. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., с. 213.
38. Разные известия. — Начало. 1878, апрель, № 2.
39. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы, с. 103—104.
40. ПЛЕХАНОВ Г.В. Воспоминание об А.Д. Михайлове, с. 161.
41. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы, с. 104.
42. ЕГО ЖЕ. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений, с. 119.
43. Разные известия, с. 61.
44. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы, с. 104.
45. Разные известия, с. 61.
46. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. III отд., 3 эксп., 1878 г., д. 68, ч. 7, л. 85, 115.
47. Письма народовольца А.Д. Михайлова. В кн.: ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А.П., ФИГ-НЕР В.Н. А.Д. Михайлов. М.-Л. 1925, с. 222.
48. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., с. 215.
49. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 121.

50. ЛЕВИН Ш.М. Две демонстрации. — Исторические записки. Т. 54. 1955, с. 261.
51. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы, с. 104—105.
52. ПЛЕХАНОВ Г.В. Воспоминание об А.Д.Михайлове, с. 161.
53. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 121
54. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы, с. 105.
55. МИЛЮТИН Д.А. Дневник. 1876—1878. М. 2009, с. 413.
56. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. В кн.: КОНИ А.Ф. Избранные произведения. Т. 2. М. 1959, с. 60.
57. ЗАЙОЧКОВСКИЙ П.С. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М. 1964, с. 66.
58. ЧАРУШИН Н.А. О далеком прошлом. М. 1973, с. 267—268.
59. ТИХОМИРОВ Л.А. Заговорщики и полиция. М. 1930, с. 96.
60. Финал «Процесса 193-х». — Красный архив. 1928, № 5, с. 190—199.
61. ГАРФ, ф. 109. Секр. архив, оп. 1, д. 714, л. 14.
62. ТАТИЩЕВ С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Кн.2. М. 1996, с. 560.
63. Там же.
64. [ПЕРЕТЦ Е.А.] Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря (1880—1883). М.-Л. 1927, с. 3.
65. Там же, с. 48.
66. ТРОИЦКИЙ Н.А. Царские суды против революционной России. Саратов. 1976, с. 219.
67. Прокламация «Земли и воли» «К русскому обществу по поводу оправдания В.И.Засулич». 1878 г., апрель, с. 54.
68. Письмо С.И. Ивановского В.Х. Кравцову. 14 мая 1878 г. Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли». Споры о тактике, с. 210.
69. КУНКЛЬ А.А. Вокруг дела Веры Засулич. — Каторга и ссылка. 1928, № 1, с. 61.
70. Прокламация одесского кружка И.М. Ковальского «Голос честных людей» по поводу покушения В.И. Засулич на петербургского градоначальника Трепова. Около 30 января 1878 г. В кн.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. М. 1965, с. 51.
71. ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А.П. А.Д. Михайлов. Вступ. статья. В кн.: ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А.П., ФИГНЕР В.Н. А. Д. Михайлов, с. 11.
72. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни, т. 2, с. 260, 277.
73. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ С.М. Подпольная Россия. В кн.: СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ С. Соч. в двух томах. Т. 1. М. 1958, с. 388.
74. ДЕЙЧ Л.Г. Валериан Осинский, с. 27.
75. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 122.
76. Там же, с. 121.
77. ФИГНЕР В.Н. Александр Дмитриевич Михайлов, с. 232.
78. ТКАЧЕНКО П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876—1879). М. 1961, с. 264.
79. Календарь «Народной воли» на 1898 год. Женева. [1898], с. 155.
80. ТРОИЦКИЙ Н.А. Ук. соч., с. 75.
81. Смерть за смерть. Прокламация С.М. Кравчинского в связи с убийством Н.В. Мезенцева. 1878 г. В кн.: Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Сборник документов и материалов. М. 2001, с. 45.
82. БУДНИЦКИЙ О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.) М. 2000, с. 48.
83. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Мои встречи с В.И. Засулич. В кн.: Группа «Освобождение труда». 1925, с. 71.
84. ФРОЛЕНКО М.Ф. Памяти отошедших. В кн.: ФРОЛЕНКО М.Ф. Собр. соч. Т. 2. М. 1932, с. 131.
85. ЗАСУЛИЧ В.И. Воспоминания. М. 1931, с. 77.
86. Там же.
87. ДЕЙЧ Л.Г. Г.В. Плеханов в «Земле и воле», с. 50.

88. ЕГО ЖЕ. Черный передел. В кн.: Историко-революционный сборник. Т. 2. Л. 1924, с. 278.
89. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М. 1967.
90. СТЕПАНОВ А.Н. Социальные идеи В.И. Засулич. — Аспирантский вестник Поволжья. 2009, № 5—6, с. 84.
91. ЗАСУЛИЧ В.И. Выстрел Карповича. В кн.: ЗАСУЛИЧ В.И. Сборник статей. Т. 2. СПб. 1907, с. 398—399.
92. ЕЕ ЖЕ. Террористическое движение в России. В кн.: ЗАСУЛИЧ В.И. Избранные произведения. М. 1983, с. 373.
93. Там же, с. 380.
94. ТРОЦКИЙ Л.Д. Ленин и старая «Искра». В кн.: ТРОЦКИЙ Л.Д. О Ленине. Материалы для биографии. М. 2005, с. 16, 28.
95. ПОТРЕСОВ А.Н. Ленин. В кн.: ПОТРЕСОВ А.Н. Избранное. М. 2002, с. 284—285.
96. ЗАСУЛИЧ В.И. Верность союзникам. Пг. 1917.
97. Цитируется по: САВЕЛЬЕВ П.Ю. Засулич Вера Ивановна. В кн.: Революционная мысль в России XIX — начала XX века. Энциклопедия. М. 2013, с. 170.
98. ДЕЙЧ Л.Г. Вера Ивановна Засулич, с. 13.
99. КУРБАТОВА И.Н. Архив В.И. Засулич в Доме Плеханова, с. 147.
100. ДЕЙЧ Л.Г. Вера Ивановна Засулич, с. 13.
101. КУНКЛЬ А.А. Выстрел Веры Засулич. М. 1924; ЦЕДЕРБАУМ С. Женщина в русском революционном движении. 1870—1905. Л. 1927; КОВНАТОР Р.А. В.И. Засулич (К истории русской критики). В кн.: ЗАСУЛИЧ В.И. Статьи о русской литературе. М. 1960; ДОБРОВОЛЬСКИЙ Е.Н. Чужая боль: Повесть о Вере Засулич. М. 1978; ФАЗИН З. Санкт-Петербургская быль: Документальная повесть. М. 1969; ХИГЕРОВИЧ Р. Жизнь для других. В кн.: Женщины русской революции. М. 1982; ШУБИНА Е.В. Философско-социологические взгляды В.И. Засулич (1867—1903). Л. 1984; ПАВЛЮЧЕНКО Э.А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М. 1988; БОГДАНОВА Т.А. Засулич в российском революционном движении. Дисс. канд. ист. наук. Л. 1991.
102. КУРБАТОВА И.Н. В.И. Засулич и ее роль в распространении идей марксизма в России. В кн.: ЗАСУЛИЧ В.И. Избранные произведения, с. 25.
103. GEIERNOS W. Vera Zasulic und die russische revjolutinare Bewegung. München-Wien. 1977; BERGMAN J. Vera Zasulic: A biography. Stanford. 1983; SILJAK A. Angel of Vengeance: The Girl Assassin, Who Shot the Governor of St. Petersburg and Russia's Revolutionary World. Daedalus Books. 2008.
104. KARPELER A. Zur Charakteristik russischer Terroristen (1878—1887). In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Band 27 (1979), Heft 4; HILLYAR A. Revolutionary Women in Russia, 1870—1917. A Study in Collective Biography. Manchester. 2000.
105. КАРПИЛЕНКО Ю.С. «Дело» Веры Засулич: Российское общество, самодержавие и суд присяжных в 1878 г. Брянск. 1994; БУРИН С. Судьбы безвестные: Сергей Нечаев, Лев Тихомиров, Вера Засулич. М. 1994; ГОЛОВКОВ Г.З. Женское лицо русской революции. М. 2010.
106. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 101.
107. КРОПОТКИН П.А. Записки революционера. М. 1990, с. 221.
108. НОВИЦКИЙ В.Д. Из воспоминаний жандарма. За кулисами политики. М. 2001, с. 357.
109. МИЛЮТИН Д.А. Ук. соч., с. 413—414.
110. НОВИЦКИЙ В.Д. Ук. соч., с. 360.
111. СКУБА В. Меценатские «проекты» Федора Трепова. — День. 2010, № 138.
112. НОВИЦКИЙ В.Д. Ук. соч., с. 362.
113. БУДНИЦКИЙ О.В. Ук. соч., с. 46.